

7 (34)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВ

ИЮЛЬ-АВГУСТ
2005

в газете использованы
материалы сайта www.sfi.ru

МОЖНО ЛИ ЖИТЬ В ПРАВОСЛАВНОМ ПРИХОДЕ?

Интервью с наместником Свято-Троицкой Александро-Невской лавры архимандритом Назарием (Лавриненко)

Кифа: Отец Назарий, как Вы можете охарактеризовать современный приход? В старой России государственно-территориальное деление соответствовало церковному - границы прихода совпадали с границами мельчайшей административной единицы государства - полицейского участка. Человек мог совершенно спокойно сказать: "Я живу в таком-то приходе", и его все понимали, даже неправославные люди, не надо было никому ничего больше объяснять - он просто называл свой адрес. А сейчас, когда кто-то скажет, что он живет в каком-то приходе, ему надо будет еще долго рассказывать о том, что он имел в виду. Его могут недоуменно переспросить: "Ты что, монах?" Или: "Работаешь, что ли, при церкви?" Как Вы считаете, в каком смысле все-таки можно и нужно жить в православном приходе сегодня?

Архимандрит Назарий: Это вопрос в первую очередь к приходским священникам. Но так как наша Александро-Невская лавра находится на Невском проспекте и, к тому же, Свято-Троицкий собор лавры еще в 1956 году стал приходским, мы как бы унаследовали так называемый приход. Исторически городские монастыри или подворья монастырей, которых было много в Санкт-Петербурге, одновременно осуществляли монастырские и приходские функции. В таких храмах совершались даже венчания и крещения, т.е. чисто приходские требы, которые обычно в монастырях не совершаются.

Конечно, когда на каждой улице был храм и люди друг друга знали, действительно жили по-приходно, а приходские священники не менялись по 20-30 лет, то, естественно, что все они жили, можно сказать, одной семьей. Приходская жизнь была не по принципу: "пришли, помолились и ушли", - на приходе еще и интересовались тем, кто как живет. Священник мог послать кого-то из прихожан провести тех, кто не был на богослужении один или несколько раз. Это была практически общинная система (не хочу сейчас говорить об ее эффективности). Но когда наступили известные времена и осталось 4 епископа из 156, а число священников уменьшилось в десятки, а то и сотни раз, все это разрушилось, причем одновременно с разрушением храмов. В Петербурге до начала перестройки, до начала возрождения церковной жизни было 14 храмов. Сейчас их уже около 150, но и это еще несопоставимо с тем, что было до революции.

Да, люди и в советское время тоже стремились иметь свой приход, но на практике люди из разных приходов сливались в немногие действующие храмы. Священник не мог запомнить даже по имени тех, кто пришел из многочисленных закрытых храмов. Очень часто люди привыкли, например, к какому-то священнику, тем более, что священников тогда было мало. Народ готов был ездить к своему батюшке с одного конца

города на другой. Так люди, далеко живущие друг от друга, сходились в одном храме. Этим как бы чужим между собой прихожанам редко удавалось снова сдружиться, стать действительно своими не только по духу, но и по-соседски. Когда в воскресенье собиралось до тысячи человек в одном храме, так, что не все и помещались, никто, даже самый трудолюбивый священник не мог их ни познакомиться нормально, ни тем более поинтересоваться тем, как человек живет или почему его не было в прошлый раз. Само понятие прихода как базовой церковной единицы было разрушено. Приход как таковой развалился.

Что есть на сегодняшний день? Как будто что-то начало поправляться, но люди уже привыкли к определенным храмам. Приходы как были внутренне разрозненными, так до сих пор и остаются. Единственные проблески надежды на то, что приход будет возобновлен, есть там, где собираются люди, закончившие приходские воскресные школы. В этих школах и взрослые, и дети становятся, как правило, ближе друг другу. Выпускники первых воскресных школ начала 90-х сейчас уже взрослые люди, сами детей рожают. Они остаются при приходе, составляют его костяк, как это видно, скажем, на нашем примере. Моя надежда только на то, что дети этих молодых людей, закончивших первые воскресные школы, создадут какой-то живой приход.

Много зависит и от священника. К сожалению, бурная жизнь, когда в храм регулярно приходит масса народу, немного отучила даже священников от обычной приходской пастырской работы, которая обязательно включает в себя знакомство с каждым человеком и обстоятельствами его жизни.

Препятствует образованию настоящего прихода частое отсутствие частной исповеди. Было время, когда частные исповеди было невозможно проводить, потому что на службу собиралось множество народа. Но, к сожалению, до сих пор, даже когда людей немного, во многих храмах частная исповедь по-прежнему не практикуется. А где еще может установиться самая близкая связь между прихожанами и священником, как не в таинстве исповеди?

Есть еще сугубо материальная причина. Раньше приход был не просто храмом. При храме была школа, были отдельные помещения, где прихожане могли, кроме богослужебной, проводить еще какую-то приходскую жизнь. В настоящее время храмы передаются церкви, как правило, без всяких приходских помещений. Получается так, что люди пришли, помолились, перекрестились перед иконой и разошлись по домам. Сейчас новые приходы, видя этот недостаток, закладывают в свои проекты храмы вместе с приходскими домами, где можно было бы "литургию после литургии" совершить - попить чай, поинтересоваться жизнью друг друга. В этих помещениях приход мог бы сплотиться в одно, не в какое-то аморфное, а в более-менее определенное образование.

Но, конечно, вся наша такая скоротечная и такая отчужденная жизнь, когда люди живут в огромных домах и не знают своих соседей по лестничной "клетке", накладывает свой отпечаток и на приход. Никому неинтересно, а что за человек рядом в храме стоит. Пришли, свечку поставили, помолились за себя, за свои нужды - "Поддай, Господи", - и разошлись.

А если где-то разобщенность между прихожанами как-то преодолевается, то, к сожалению, часто такие приходы приобретают сектантские черты. Примеры вы знаете. Так что с приходом есть целый комплекс проблем.

(продолжение на стр. 2)

В номере:

Работа с детьми - это совершенно новая традиция, идущая от гуманистического европейского общества

О детской работе размышляет духовный попечитель Преображенского содружества священник

Георгий Кочетков
с. 4

Возраст перемены веры

Ветеран российского скаутинга А.Сединкин - о проблемах подросткового возраста

с. 5

Они выходили на трассу Тверь-Москва и голосовали...

Тема номера - продолжение публикаций

материалов по истории Преображенского содружества
с. 6-7

Что такое "БТр"

О деятельности братства «Трезвение» - воспоминания и свидетельства участников

с. 8-9

Столетие упущенных возможностей

О юбилее указа «Об укреплении начал веротерпимости», открывшего путь легализации свободы совести в России

с. 10

Искусство миссии или миссия искусства

О необычном опыте диалога рассказывает наш екатеринбургский корреспондент

с. 11

(начало на стр. 1)

Тем не менее, приходы восстанавливать необходимо, потому что церковная жизнь не заключается только в общей молитве. Это главное - участие в таинствах, в общей молитве. Но важно и то, представляют ли люди собой конгломерат или единое целое. Поэтому с увеличением количества храмов и по мере образования костяка из выпускников воскресных школ приход должен возобновить свою деятельность в том же виде, что и раньше.

А то, что сейчас территориально совпадает только деление церкви на епархии с делением государства на области и края, так это и понятно. Более мелкое деление, которое было раньше одновременно и государственным, и церковным, естественно, уже не восстановить в том виде, в котором оно существовало, потому что государственное устройство укрупнилось и не может, например, один приход охватить один городской район.

Каковы пути выхода из создавшегося положения? Первое - должно быть место, где люди встречаются. Второе - нужна приходская работа, помимо богослужбой, - различные кружки, катехизаторские курсы, которые могут проводить не только священники. Священник должен иметь среди прихожан своих помощников.

Кифа: Я как раз хотел спросить о месте в приходе тех, кого называют "мирянами".

Архимандрит Назарий: Приход - это, в принципе, как бы маленькая церковь, хотя и не в полноте, потому что полноценная церковь там, где есть епископ. А т.к. священник - представитель епископа, то приход можно назвать церковью с маленькой буквы, где старшим является приходской священник и вокруг него собирается народ. Естественно, священник, какой бы он ни был, сам все сделать не сможет. Поэтому он должен воспитывать тех, кого называли в советское время активом, - активных прихожан, которые понимают, что такое приход, и знают, что церковная жизнь заключена не только в вере, но и в деле (Иак. 2, 26: "Вера без дел мертва"). Без них священнику сложно что-либо сделать, тем более, когда приходы по количеству прихожан очень велики. Поэтому первыми помощниками должны быть миряне, которые сами чего-то достигли - под руководством ли священника, или окончили какие-то курсы (например, педагогические, как у нас при лавре), где-то немножечко учились и сами ведут нормальный церковный образ жизни. Вот это первые помощники священника, естественно, под его обязательным духовным надзором. Причем в этой деятельности мужчины и женщины могут участвовать равным образом. Женщинами, может быть, труднее управлять, но тем не менее до сих пор они играют главную роль в жизни прихода.

Кифа: Что бы Вы посоветовали молодому священнику, которого назначили на приход, где еще ничего нет? Такие ситуации сейчас часто встречаются. С чего начать?

Архимандрит Назарий: Начинать нужно с молитвы. Не беда, если нет места, где провести литургию, - молиться-то можно везде, даже на месте закладки храма. Это соберет вокруг священника тех, кто пойдет за ним дальше. Если бы я, например, увидел, что в этом месте много некрещеных взрослых, то прежде всего создал бы катехизические курсы. Это те курсы, которые ведут подготовку людей к крещению, чтобы не просто пришел человек в храм, его облили водой и сказали, что он крещеный. Пусть эти катехизические курсы будут непродолжительными, но они сплачивают людей. Как правило, люди, прошедшие катехизацию при каком-то храме, потом этот храм не оставляют. Они могли бы составить затем костяк прихода.

И еще. Надо очень внимательно следить за отношениями между старыми прихожанами и новыми, потому что очень часто старые прихожане слишком ревниво относятся ко вновь пришедшим. Священнику с самого начала не-

обходимо вести разъяснительную работу среди старых прихожан, что они не закрытое общество, молодые люди должны приходиться в храм. Даже если они не умеют себя вести должным образом, к ним надо отнестись с любовью. Мы сами виноваты, что не научили своих детей вести себя правильно в храме. А то, бывает, подходят по рукам бьют, дергают, даже шипят. Надо таким людям говорить о том, что они скоро уйдут, кто-то же должен будет занять их место. Ведь бывает так, что человек, придя в храм один раз, больше не заходит туда из-за того, что ему нагрубили. Это одна из насущных проблем приходов.

Наверное, много есть путей для возрождения приходов, но мне кажется, что основной путь - это катехизация и, может быть, еще воскресная школа, потому что воскресная школа объединяет не только детей, но и родителей.

Как я уже говорил, в идеале приход - это некая духовная семья. Но идеальных приходов не было, наверное, даже до революции.

Кифа: Если даже собор 1917-18 г.г. это записал как цель жизни прихода...

Архимандрит Назарий: Вот именно. Может быть, я немножко пессимист, но, думаю, в ближайшие 20 лет проблема приходов не решится так, как хотел этого собор 1917-18 г.г. Урбанизация и разобщенность людей, даже родителей и детей, которые все чаще общаются чуть ли не исключительно по телефону или через интернет (и эта тенденция усиливается!) не даст возможности образоваться приходу в идеальном виде.

Но все-таки увеличение количества храмов, какая-то оседлость людей и другие моменты, которые я уже назвал, внушают некоторую надежду на образование и укрепление приходов, хоть и не в идеальном виде.

Конечно, идеального прихода не было, нет и не будет, потому что люди всегда много передвигаются. Самое главное - чтобы в приходе создалось братское отношение людей друг к другу в духе христианской любви, взаимопонимания, любви к своему храму. Вот на чем приход должен созидаться.

Кифа: А насколько мировой, в частности, западный христианский опыт может нам помочь? Мы ведь не первые столкнулись с проблемами постиндустриального общества, там их тоже как-то решали.

Архимандрит Назарий: Не решали, а решают до сих пор. На Западе и у православных, и в католической церкви борьба идет больше не за приход, а против секуляризации. Бывает, что священник, желая сплотить приход, начинает уделять особое внимание социальным вопросам, братствам, помощи на дому, чему угодно, но при этом уменьшается харизматическая составляющая, т.е. совместная молитва, участие в таинствах и т.п. Получается перегиб: при хороших намерениях результат обратный - секуляризация еще больше входит в христианскую жизнь. Очень многие приходы, даже православные, на Западе становятся как бы органами социальной защиты. Теряется главная церковная харизматическая часть жизни церкви - молитвенная часть. На таких отрицательных примерах мы должны учиться.

У нас же волна секуляризации только началась. Мирское все больше входит в церковное: люди приходят с площадей, с митингов и хотят спасти Церковь, забывая о том, что в Церковь приходят спасаться, Церковь людей спасает, а не люди Церковь. На западных примерах мы должны, с одной стороны, учиться, а с другой стороны, не допустить ошибок, которые они сделали. В этом случае должна быть обязательно золотая середина, хотя ее труднее всего удержать. Ни в коем случае церковь не должна терять своего харизматического характера. Самое главное - это молитвенное собрание, Церковь, где Глава и Основание - Христос, а не священник, которого любят прихожане и по этому к нему ходят. Прихожане должны ходить не к священнику, а к Богу. К сожалению, иногда бывает наоборот.

Беседовал Александр БУРОВ

ЭКСПЕРИМЕНТ НЕУДАЧЕН?

«Эксперимент по введению современного языка в Элладской церкви признан неудачным». Афины, 27 июня. ИНТЕРФАКС. - На прошлой неделе завершился девяти-месячный «пилотный проект» Элладской православной церкви по использованию в ряде афинских приходов

современного греческого языка при чтении отрывков из Нового Завета за богослужением.

По словам архиепископа Афинского и всей Эллады Христодула, испытательный срок показал, что нововведение не вызвало заметного интереса у молодежи. Между тем именно привлечение молодых людей к лучшему пониманию богослужения было основной целью неудавшейся программы, напоминает греческая газета «Катимерини».

Представители старших поколений, напротив, считают, что нет смысла изменять звучание библейских текстов, которые они слышали уже столько раз в течение своей жизни.

Богослужение в греческих храмах совершается на так называемом «койне» - версии разговорного греческого языка, употреблявшегося в период от IV века до н.э. по V столетие после Р.Х.

Итак, фиаско. Правда, прежде чем с этим согласиться, все же хотелось бы задать несколько вопросов.

Например, что конкретно значит: «нововведение не вызвало заметного интереса у молодежи»? Каким предполагался этот интерес, как и кому он должен был быть заметен? Что говорит сама молодежь по этому поводу? Почему всего 9 месяцев было отведено на реализацию проекта по введению современного языка, - уж не по аналогии ли со сроком появления на свет человека? Но, продолжая эту аналогию, - если бы положительный результат появился на свет через 10 месяцев, неужели он не был бы оправдан? А через 11? А через 10 лет? А через 50? Неужели авторы проекта и те, кто его благословлял, хотели «все и сразу»? Или проект и был составлен так, чтобы по окончании ни с чем не сообразованного срока, с облегчением вздохнув, объявить, что советские (простите, греческие) трудящиеся его с негодованием отвергают? Не разумнее ли было, во-первых, ввести чтения по-новогречески в тех приходах, в которых и священники, и большинство прихожан хотели бы этого? Ведь при нежелании основной части прихода что-то менять в принципе, любое, самое замечательное и правильное «нововведение» (ведь и «койне» когда-то было «новогреческим») заведомо будет встречено в штыки. А при том же нежелании со стороны священников, - и на самом современном и понятном языке Писание можно прочитать так, что его не поймет даже знающий текст наизусть. И во-вторых, если такие чтения все же введены, - почему бы не оставить их до тех пор, пока сама молодежь, ради которой все это затевалось, не попросит их убрать?

Ну, хорошо. Предположим, что вышезаданные вопросы - всего лишь попытка навести тень на очевидный плетень. Предположим, что молодежь вообще, при любых условиях, равнодушна к тому, что Писание в храмах читается на полу- (или совсем) непо-

нятном языке. Не верится, но - предположим. А есть ли вообще то, к чему она равнодушна в церковной области? Что ее могло бы «привлечь к лучшему пониманию богослужения», - ведь именно это ставилось главной целью эксперимента? Почему бы ее саму об этом не спросить? Всерьез, не предполагая заведомо, что она непременно потребует заменить традиционное богослужение рок-оперой, и т.д. и т.п.?

Уж сколько раз твердили миру, что односторонние и непоследовательные реформы сверху, в церкви или обществе - безразлично, либо ничего не меняют, либо разрушают. Почему бы не начать привлекать к богослужению молодежь (а в первую очередь в этом нуждается верующая, церковная молодежь!) с открытого, доверительного (не «учительного») разговора? И не о богослужении, а о проблемах современной жизни церкви? Может быть, именно эта жизнь, - с жесткой вертикалью власти, оторванной от церковного народа, с постоянными скандалами в иерархической среде по поводу собственности и по еще более печальным поводам, со стилизованной аскетикой, с унифицированным богослужением, с отсутствием подлинно церковного (братского, общинного) внебогослужебного общения, - кажется молодежи малопривлекательной?

Александр КОПИРОВСКИЙ

Храм Воскресения Христова в Санкт-Петербурге
(фото: www.hram.voskres.ru)

100 лет со дня кончины священника Александра Рождественского

18 июля (5 июля по старому стилю) исполнилось 100 лет со дня кончины выдающегося подвижника православной трезвости священника Александра Васильевича Рождественского.

О. Александра Рождественского (11.10.1872 - 05.07.1905) без всякого преувеличения можно назвать знаменем русского православного дореволюционного трезвенного движения. Именно он в помощь гибнущим от алкоголя людям основал 30 августа 1898 года при Воскресенском храме у Варшавского вокзала в Санкт-Петербурге самое знаменитое в нашей стране Александро-Невское общество трезвости. В год смерти батюшки Александра число членов этого общества превышало 70 тысяч.

18 июля в 17.00 на Никольском кладбище Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры у могилы о. Александра состоялась панихида. В ней приняли участие священники, ведущие трезвенную работу в приходах, а также православные трезвенники Санкт-Петербурга и области.

С 21 по 27 июля в Риме прошла встреча Всемирного братства православной молодежи «Синдесмос»

Встреча на тему «Мученичество и христианское свидетельство сегодня» была организована совместно с католическим мирянским движением «Община св. Эгидия».

С православной стороны в ней приняли участие 24 представителя богословских школ, братств, молодежных организаций и приходов из Великобритании, Франции, Германии, Бельгии, Греции, Армении, Соединенных штатов Америки, Польши, Финляндии и Румынии во главе с президентом «Синдесмоса» Кристофором д'Алоизио. Россию представляли два выпускника Московской духовной семинарии, студентки Свято-Филаретовского и Свято-Тихоновского богословских институтов. Многие участники, наслышанные о Свято-Филаретовском институте и поддерживающем его Преображенском братстве, живо

интересовались их опытом миссии, катехизации, детско-молодежного воспитания.

Тему встречи предложила община св. Эгидия, которую представлял о. Роберто Черубини. Эта община, широко известная своей благотворительной и миротворческой деятельностью, проделала большую работу по собиранию свидетельств исторических материалов о католических мучениках XX века.

Мученичество в переводе с греческого языка означает свидетельство. Христианские мученики первых веков и мученики XX столетия засвидетельствовали миру о своей вере и надежде. Но как свидетельствовать о Христе сегодня? Какой должна быть жизнь христиан, жизнь общин, братств и приходов, чтобы христиане и в XXI веке являли свет этому миру? Эти и другие вопросы стояли в центре дискуссий участников встречи.

Многие испанские католики, выступив в брак, предпочитают проводить медовый месяц не на экзотических курортах, а заниматься миссионерской работой в бедных странах

Как правило, молодожены обращаются к гостям на своей свадьбе с просьбой не покупать им подарков, а перечислить деньги в фонд того или иного благотворительного проекта. Затем пара отправляется в свадебное путешествие в страну, где этот проект осуществляется, и там принимают участие в миссионерской работе, сообщает «Благовест-инфо».

Идея «миссионерского медового месяца» впервые пришла в голову около десяти лет назад молодоженам, которые назвали агентству CNA только свои имена - Хавьер и Харо. В свое свадебное путешествие Хавьер и Харо отправились в Мексику, где работали сначала в Юкатане, а затем в Гвадалахаре. С помощью друзей они построили в Мексике школу и первое время помогали ее ученикам. Другая пара - Анхель и Ампаро - поехали в свой медовый месяц в Руанду. На их свадьбу пришло двести гостей, каждый из которых вместо подарка преподнес молодоженам пожертвования на их миссионерский проект. В результате Анхель и Ампаро построили в Руанде школу и центр раздачи бесплатного питания, а также купили рабочие инструменты для жителей небольшого городка. После этого жители города, где испанская чета провела медовый месяц, устроили в их честь праздник. «В результате получилось, что мы отпраздновали свадьбу дважды - с двумястами гостей дома и тремястами в Руанде», - вспоминает Ампаро.

Источник: NEWSru.com, http://newsru.com/religy/20jul2005/wedding_mission.html

фото: <http://www.cvjm-ag.de/archiv/weltdienst/ruanda>

Израиль упрекает Грецию во вмешательстве в дела Иерусалимского патриархата

Иерусалим. 16 июля. ИНТЕРФАКС - Израильские правительственные круги обвинили Грецию во вмешательстве в дела Иерусалимского патриархата. По мнению властей Израиля, Греция пытается использовать церковный кризис для укрепления своих позиций в регионе и повышения уровня своего участия в дискуссиях о будущем межрелигиозном статусе Иерусалима.

Опровергая эти упреки в субботнем выпуске газеты "Haaretz", генеральный консул Греции в Иерусалиме Елена Сурани подтвердила, что Греция вовлечена в дела патриархата, поскольку вынуждена противодействовать намного более интенсивному вмешательству в них Израиля.

В качестве примеров такого вмешательства дипломатическая представительница Греции указала на первоначальный отказ Израиля признать избрание патриарха Ириния в 2001 году, а также нежелание отозвать признание Ириния в качестве патриарха Иерусалимского, несмотря на то, что его более не считает таковым весь православный мир.

После того, как лидер Палестинской администрации Махмуд Аббас издал в среду декрет о непризнании Ириния (Иордания сделала это еще месяц назад), Израиль остается единственным государством на территории Иерусалимского патриархата, которое все еще считает Ириния патриархом.

"У нас нет намерения подрывать национальную гордость Израиля, - сказала Е.Сурани. - Однако решение об отстранении патриарха принято церковью, и Израиль обязан это решение уважать".

Генконсул также отвергла утверждения, что Палестинская администрация отказала Иринию в поддержке под давлением Греции. "Если бы палестинцы хотели угодить нам, они бы давно уже отозвали признание", - заявила представительница греческого МИД.

Израильская газета утверждает, что Иринией считает Е.Сурани своим личным врагом по причине занятой ею позиции.

<http://www.interfax-religion.ru/>

Религиозная деятельность русского зарубежья будет обсуждаться на конференции в Москве

9-10 ноября 2005 г. в Научно-исследовательском отделе религиозной литературы и книг русского зарубежья ВГБИЛ состоится конференция на тему «Религиозная деятельность русского зарубежья».

Конференция призвана подвести итоги изучения религиозной деятельности русской эмиграции в последнее десятилетие и помочь исследователям этой проблемы установить взаимные профессиональные контакты.

На конференции предполагается обсудить проблемы и перспективы, а также методологические и теоретические аспекты изучения религиозной деятельности русского зарубежья. Среди заявленных тем - и проблемы развития религиозной деятельности русской эмиграции.

В круг предстоящего обсуждения войдут также вопросы изучения архивных документов (в федеральных архивах России, зарубежных, частных архивах) и сотрудничества по созданию библиографического словаря деятелей РЗ.

РАБОТА С ДЕТЬМИ – ЭТО СОВЕРШЕННО НОВАЯ ТРАДИЦИЯ

Интервью духовного попечителя Преображенского содружества священника Георгия Кочеткова

Кифа: Почему так часто активные служения на приходах или в каких-то церковных движениях ограничиваются в первую очередь детской работой?

Свящ. Георгий Кочетков: Потому что церковь реагирует прежде всего на конкретные нужды. А нужда воспринимается одним образом: есть верующие родители, а дети ходили-ходили с ними в храм, и вдруг перестали, не хотят ходить. Значит, надо что-то делать. И вот это воспринимается как нужда: нужно хоть что-то детям передать. А что передать? Сами родители этим обычно не занимаются или занимаются в усеченном варианте. Значит, должны быть люди, которые бы собирали какие-то воскресные школы, какие-то лагеря, устраивали какие-то детские елки, спектакли, т.е. вели бы детскую и молодежную работу.

Кифа: В чем Вы видите причины того, что в церкви сейчас часто катехизацией называется воскресная школа?

Свящ. Георгий Кочетков: Дело в том, что так традиционно исторически сложилось. Ведь со временем стало меняться представление о том, что такое катехизис. Первоначально, как всем известно, катехизисы служили непосредственной цели воцерковления взрослых людей, принимавших сознательно христианскую веру, становившихся сознательно и ответственно христианами, членами церкви, для чего требовалась личная вера, личное свидетельство, покаяние, исправление жизни, налаживание внутрицерковных связей, общения и т.д., требовалась и передача традиции, в конце концов. Это было сугубо взрослое дело, к тому же длительное и непростое. Но когда катехизация стала умаляться, неизбежно о катехизисах вспоминали лишь постольку, поскольку нужно было как бы воцерковлять, приводить к какому-то сознательному варианту веры детей, приходящих в возраст, начинавших задавать самостоятельные "взрослые" вопросы. И тогда стали возникать катехизисы, которые были скорее детскими учебниками, неким введением в христианское знание, в христианское учение, в христианскую жизнь. На Западе это было понятно, потому что там существовал обычай конфирмации. (У протестантов это ещё более понятно, потому что у них конфирмация проводилась позже, чем у католиков. Невозможно себе представить серьезный катехизис, реально действующую книжку, скажем, в случае католической

конфирмации в семь лет. Ведь в семь лет никто катехизисов не прочтет. Но если конфирмация проводится в 12, 14 или 16 лет, то это уже более чем подходящий возраст для такого рода работы.) И вот катехизисы стали восприниматься как нечто начальное, как начальная ступень христианского образования. Именно эту протестантскую точку зрения и усвоила сейчас Русская православная церковь в своем большинстве. Не только она, впрочем, но и многие другие католические церкви.

Конечно, сейчас время изменилось. Конечно, эта точка зрения давно устарела. Но, с другой стороны, и детей надо учить, надо вводить их в Церковь, и здесь безусловно присутствует элемент катехизации, хотя катехизация в полном смысле слова существовать в это время ещё не может. Так что и это в церкви должно существовать. С другой стороны, надо возвращаться к каким-то святоотеческим основам, корням нашей веры и жизни, в т.ч. исполняя данные всем христианам отцами вселенских и поместных соборов каноны об обязательном длительном и специальном научении вере до крещения и воцерковления или до первого причастия и первой исповеди.

Кифа: Так все-таки, почему и сегодня так часто вся катехизация сводится только к обучению детей?

Свящ. Георгий Кочетков: Потому что других нужд церковь всё ещё не видит.

Кифа: Нередко приходится слышать от общественных деятелей и православных иерархов, что вся надежда общества и церкви - на подрастающее поколение или даже не на них, а на их будущих детей, как будто настоящего в церкви нет и вся надежда лишь на будущее. Разделяете ли Вы этот взгляд?

Свящ. Георгий Кочетков: Конечно, нет. Наша надежда в Церкви не на прошлое, не на будущее, не на детей, не на старших - мы можем надеяться только на Христа. Мы можем проявлять свою надежду только во Святом Духе. Мы можем осуществлять свою надежду только приближаясь к нашему Небесному Отцу, входя в божественную жизнь и будучи сотрудниками Богу. Поэтому такие высказывания мне представляются просто штампами или идеологией и больше, на самом деле, ничем, потому что это хороший повод утешить себя в том, что есть, счастье действительность за норму и тем успокоить свою совесть.

Кифа: Т.е. это идеология нового времени?

Свящ. Георгий Кочетков: Да просто общечеловеческая идеология, мнение, что наше будущее - дети, а значит, занимаясь детьми, мы занимаемся самым важным, самым главным, что выработало человечество.

Кифа: В церкви существует многовековая традиция воцерковления детей, и в России все это было перед 1917 годом, но, тем не менее, закончилось известно как. Значит, с этим что-то надо делать. В чем Вы видите главный путь обновления работы с детьми?

Свящ. Георгий Кочетков: Во-первых, в России и раньше далеко не все существовало гладко. Во-вторых, это никак не было плодом "многовековой традиции". Детями специально вообще не очень-то часто занимались. Это некоторый современный миф - что дети обязательно требуют отдельного занятия, что должны быть лагеря, должны быть для них отдельные сказки и т.д. Это ведь вообще не очевидный факт. Большую часть церковной истории никто никогда не только этого не делал, но и не собирался, и не считал нужным это делать. Как раз многовековая традиция - это не работать с детьми отдельно. Работа с детьми - это совершенно новая традиция, идущая опять же от гуманистического европейского общества. Этого никто не делает на Востоке, не только в мусульманских странах, но и в христианских. Поезжайте в Армению, Грузию и посмотрите, как воспитывают детей там, где в обычае многодетные семьи. Там семья - и в ней есть вся детская работа. Если у вас в семье пять или десять детей, зачем вам нужна отдельная детская группа? Она у вас дома каждый день.

Кифа: И каковы плоды?

Свящ. Георгий Кочетков: Плоды очень хорошие, потому что как раз это лучший вариант воспитания, к слову говоря - секьюлярного воспитания, общественного, социального воспитания в смысле социальной адаптации, потому что, во-первых, старшие заботятся о младших, во-вторых, в семье и школе напрямую идет передача традиции - национальной, культурной, исторической, бытовой - любой. Поэтому все, на самом деле, сводится к качеству жизни родителей. Если они качественно живут с христианской точки зрения, то они и передают все это своим детям, лучше или хуже воспринимающим традицию. Но в любом случае здесь традиция воспринимается.

Кифа: Но ведь известно, что разночницы, в том числе те, кто нес самые разрушительные идеи, были, в основном, выходцами из семей духовенства!

Свящ. Георгий Кочетков: Это как раз говорит о том, что духовенство было социально необеспечено и в их семьях был ропот.

Кифа: Да, это правда.

Свящ. Георгий Кочетков: Это говорит о том, что непорядок был в самой церкви. Об этом просто говорить и думать никто не хочет. На самом деле это именно так. Так что не церковь в этом виновата или священники. Просто когда все перевернуто с ног на голову, чего ждать от детей? Дети просто радикализируются то, что слышат в семье, вот и все.

Нельзя забывать, что священство не только материально было не обеспечено. Оно было социально не обеспечено, с точки зрения престижа, да и с точки зрения культуры, которой у нашего духовенства часто было недостаточно. Так

фото Анатолия Мозгова

что требования к нему предъявлялись, как всегда, повышенные, а дать ему что-то прежде для того, чтобы на эти требования реально было положительно ответить, об этом почти никто не заботился.

Кифа: В дворянских семьях их не приглашали за стол...

Свящ. Георгий Кочетков: Конечно, они же были в сапогах, чуть ли не в лаптях. Они были не равны тем людям, которые собирались за столом. Здесь известно большое наше отличие от католиков и протестантов.

Кифа: Нам все-таки хотелось бы вернуться к вопросу обновления служения воцерковлению детей, потому что он уже поднимался нами. В своем письме в нашу газету отец Иоанн Привалов видит выход в том, чтобы детской работой занимались люди, исполненные духа и мудрости, несущие дух движения. На самом деле, такие люди всегда перегружены, на участие в детской работе их не хватает. Это давняя проблема нашего движения. Какой Вы видите выход из этой ситуации?

Свящ. Георгий Кочетков: Мудрость - это не то, с чем люди рождаются, а то, что им дается. Мудрым или глупым можно лишь стать, нельзя родиться сразу дураком или умным человеком. Можно иметь лучшие или худшие умственные способности, но это еще недостаточно для того, чтобы сказать, глуп человек или умен. Иногда люди с очень ограниченными умственными способностями выдают мудрцами, а люди с выдающимися умственными способностями оказываются, прощу прощения, дураками. Поэтому я на это смотрю очень спокойно. Я считаю, что количество церковной мудрости и духа любви в нашем братстве потенциально значительно больше, чем мы это видим. И дело нашего братства - найти таких людей, их выявить и призвать их к новому детско-молодежному служению, выявить и само это служение и принести его достойные плоды. Я считаю, что это для нас вполне реально. Просто этим никто специально ещё не занимался. У нас есть некоторая привычка все сваливать на тех, кто уже проявился. Это некоторая леность ума, интеллектуальная расслабленность, которая является большим грехом, касающимся многих членов нашего Содружества. Поэтому, на самом деле, это не безвыходная ситуация. Безвыходной она будет только в том случае, если людям это служение будет предложено, а они откажутся. Но я думаю, что этого не произойдет.

ВОЗРАСТ ПЕРЕМЕНЫ ВЕРЫ

Смирение перед духом мира сего

Для сознательного выбора христианского пути необходимо опытно познать, что такое челюсти мира сего. Без этого опыта трудно говорить о серьезном выборе. Однако вовсе нет необходимости в том, чтобы дух человека был раздавлен, разжеван и поломан этими челюстями.

Никакая изломанность, никакая страшенность не является препятствием для Христа. И мы благодарим за это Бога. Но есть и другая сторона медали — человеку, перемолотому на мельнице мира сего, труднее стать воином Христовым. Кроме силы Божьей, необходимых силы человеческие, которых после такого помола не становится больше.

К сожалению, многие люди приходят в церковь в сознательном возрасте духовно сломленными, раздробленными и пережеванными миром сим. Как такое может быть? В какой момент люди “смиряются” силами мира сего? И как это происходит?

Детские жертвоприношения

...У иконы Георгия Победоносца: “А теперь, внучек, поцелуй боженьку в хвостик”...

Удивительным образом это происходит как бы в простоте и почти безболезненно. В подростковом возрасте наступает **духовный разрыв** в жизни человека. Наступает **возраст перемены веры**. Детская вера по доверию к родителям уже ушла, личная вера еще не состоялась. А если нет личной веры, о какой церковности может идти речь? Так же естественно в этом возрасте наступает дистанцирование детей от родителей, и блокируется возможность поступления помощи от них. Единственным реальным источником духовной помощи становится социальная среда, в которой, собственно, (в отсутствие веры, родителей и церкви) и совершается **прививка духа мира сего**.

Этап духовного **пере-облачения** из детских доспехов (*детской веры, доверчивости, непосредственности, открытости*) в доспехи взрослые (*истину, броню праведности, щит веры, шлем спасения, меч духовный, готовность благовествовать мир*), начало которого приходится на подростковый возраст, превращается для ребенка в **раз-облачение** посреди мира сего. Детские доспехи уже не защищают. Разоблаченные подростки погружаются в мир сей. Многие из них там и остаются. Некоторые из них, изрядно “привитые”, потом возвращаются. Мы говорим: свободный выбор. Кто хотел — пришел, кто не хотел — не пришел. Но лучшие свои силы все они оставили на той мельнице. Их потому и отпустили, что они уже не опасны, они пришли спастись, но не воинствовать во Христе.

И эта тотальная вакцинация духа мира сего, если ее не прекратить, никогда не даст молодым силам действовать в церкви. Я имею в виду именно **молодые силы самой церкви** (а не молодежь как таковую), **силы, из которых рождается дух самопожертвования, дух рыцарства, дух самостояния, дух воинствования во Христе**.

Церковная катастрофа в вопросе воцерковления детей **возникает из отсутствия общей жизни во Христе**. А проявляется она в том, что в самом важном (с точки зрения собирания сил), в самом беззащитном (в духовном отношении) возрасте (подростковом), дети остаются одни, без защиты, и **легко отдаются на откуп миру сему**.

Жизнь подвижников, показавших пример **деятельного служения** в церкви,

как правило, имеет интересную особенность: это люди, хорошо знающие оскал зверя, но обошедшиеся **без прививки жизни по его законам**. Это люди, чей дух не был сломлен, люди, которые не теряли своего достоинства воинов Христовых, люди, не растратившие себя, прежде чем войти в церковь. Они — редкое исключение из правил, и на них ложится вся тяжесть церковной жизни. Церковь же в целом берет на себя роль пассивно-послушного большинства и готова, в крайнем случае, поменять ее на роль агрессивно-послушного большинства.

Церковно-социальная среда

Подростковый возраст — важнейший возраст в жизни человека. Вся скаутская система вырастает из размышления о нем, из размышлений о том, что можно сделать для прекращения детских жертвоприношений. Но почему же именно скаутская? Зачем все эти игры, испытания, разряды, правила, походы, физическая нагрузка, а еще российский флаг и общая молитва тут же? Винегрет какой-то. Почему бы не организовать все как у людей, серьезно, вдумчиво, спокойно? Вот что пишет об этом прот. В.В. Зеньковский:

“Самая существенная помощь в религиозной жизни исходит в это время не от школы и не от семьи и даже не от Церкви, а от социальной среды. Создание социальной среды утоляет духовный голод и дает живое удовлетворение подростку, но самый путь такой внесемейной и внешкольной религиозной работы теперь только раскрывается перед нами в религиозно-педагогических исканиях во всем мире”.

Многие столетия у церкви не было ответа на антиномичный парадокс подросткового возраста. Однако, по завершении константиновского периода ее жизни, церковь незамедлительно отвечает на него представлением о церковно-социальной среде и духовном попечении о ней. Повсеместно, как грибы после дождя, возникают, в частности, скаутские отряды. Церковно-социальная среда призвана стать тем местом, где подростки могли бы заслужить себе новые доспехи и научиться ими пользоваться.

Духовный путь подростка можно уподобить восхождению по шаткой лестнице, в котором ребенок может опираться ногами на свой детский опыт, руками держаться за опыт своих старших друзей, а головой соотноситься с опытом взрослых. Без ступеней и перил (т.е. без детско-молодежной среды) такое восхождение, мягко говоря, затруднительно.

Невозможно воспитать подростков, сохранив неповрежденной веру, если они вырваны из целостной церковно-социальной среды, в которой, с одной стороны, есть детская вера, есть младшие (для заботы о них), и с другой стороны, есть верующие молодые люди, уже перебравшиеся через болото подросткового неверия к воде живой, и, также, есть взрослые, чья жизнь в церкви опытно выверена. Воспитание подростков невозможно без среды, реально воплощающей преемственность между детской верой и верой взрослой. Такая **неразрывная детско-подростково-молодежно-взрослая среда** и есть среда церковно-социальная и реально действенная. Именно в этой среде подросток найдет и пример ответственной беззаветной работы, и место приложения лучшим своим силам, и плодотворную почву для прорастания зёрен взрослой веры.

Скаутский метод

“тех, которых Ты дал Мне, Я сохранил, и никто из них не погиб...”

Воспитание невозможно помыслить вне контекста живого общения, и как ни хотелось бы нам как родителям удерживать ребенка «при ноге», внутренняя логика развития ведет его к **размыканию** семейного (а потом и межсемейного) круга общения ради общения со сверстниками, ради общения, стоящего под знаком иных (не родительских, а иногда и не церковных) авторитетов. Ситуация жизненно опасная, но необходимая для свободного становления личности. Логика скаутского подхода в данном вопросе очень проста. Во-первых, это попытка преодоления собственного эгоцентризма и, во-вторых, это **попытка оказания косвенной помощи в то время, когда прямая помощь не может быть принята**. Если мы знаем, что наступит этап временного от-

даления, что это не блажь, а вопрос становления личности, то давайте проявим некоторый такт в области своей опеки над ребенком, но позаботимся же о том, чтобы место, куда он уйдет, не оказалась бы, **по необходимости**, ближайшей подворотней, с ее безгранично расширенным “сердцем”. Вот и вся логика. Логика невозможности сказать себе: “Уходит от нас?! Скатертью дорога, дверь в мир сей открыта”. **Скаутский метод — это созидание церковно-социальной среды и попечение о ней**, попечение о напряженности и направленности жизни этой среды, о ее традициях, о ее церковной согретости (покуда она не может быть полностью церковной), о ее **целостности, совместности, взаимосвязанности. О ее способности если и не отстоять детей у мира сего, то, по крайней мере, поспорить с ним**.

И ради такого попечения взрослые люди вместо своей благочестивой респектабельности надевают на себя короткие штаны, сидят с детьми вечером у костра, рискуют выглядеть нелепо как перед взрослыми, так и перед теми же детьми, топают долгие километры по самым разным закоулкам своего края, вникают в мир детских переживаний, меняют свое родительское старшинство на старшинство иное, надевают галстук руководителя и становятся для подростков старшими друзьями. И если подростки эту дружбу принимают и отве-

чают на нее взаимностью, то происходит нечто важное... возникает благодарение друг о друге, свидетельствующее о том, что Господь в этой ситуации получает дополнительную возможность для действия.

Все остальное, все скаутские ступени, игры, испытания, законы, игровой метод, посвящения, форма, нашивки, знаки различия, звеновая система, курсы для вожakov, курсы для помощников, курсы для руководителей, межотрядные встречи, дела “круга дружины” — **все это только повод**, только форма, которой может быть опосредовано духовное усилие и устремление веры и жизни в этом возрасте.

Общая жизнь во Христе

Скаутская традиция имеет столетнюю историю. Попробуем подвести какие-то итоги: в целом методика оправдала себя, сегодня скаутинг продолжает развиваться по всему миру. Слабое место методики также очевидно: за редким исключением, церковность скаутских направлений мало подкреплялась общей жизнью во Христе, оказывалась внешне-декларативной и в лучшем случае превращалась в социальную работу, а в худшем случае могла мало отличаться от духа мира сего.

Жизнь нашей дружины очень сильно отличалась и отличается от жизни других скаутских дружин. В дружине никогда не угасало вдохновение общей жизни во Христе. Вектор этого вдохновения всегда восходил к нашему движению, в какой бы форме оно ни существовало в эти годы. Нынешнее устройство Содружества дает нам шанс сделать шаг от вдохновения к самой общей жизни.

Обновление церкви

Полнота жизни церкви не выводится из отдельных форм церковной жизни. Тем более, ее нельзя ставить в зависимость от успешности или неуспешности детского воцерковления. Однако было бы ошибкой думать, что эти вещи не связаны вовсе. Детская вера, при всем ее несовершенстве и при всей ее неполноте, — реальность, несомненно, подлинная и драгоценная для Бога. Верующие дети входят в сферу достояния Божьего, приобщены к живому Телу Христову и защищены в нем от духа мира сего. В подростковом возрасте Господь как бы отпускает детей из своих рук и из рук родителей. Тогда эта защита передается в руки церкви.

У нас принято с умилением относиться к “деткам”. Не отсюда ли это умиление, что в нашем сознании происходит вытеснение того факта, что завтра они останутся без защиты. Что завтра у нас не будет для них ответа на вопрос: “Что происходит?” Что завтра мы им скажем: “Все через это проходят, вот видишь, я — больной, кривой, помятый, живу раздвоенной жизнью, но я же в церкви, я же спасаюсь, и у тебя получится. Силы кончатся, мочи нет? Можно прожить и без сил. Смирись. Господь поможет”. Если через бедственное положение в вопросах детского воцерковления мы сможем лучше увидеть нашу собственную бедственность и скудость, то есть надежда, что на пути ее преодоления мы сможем помочь и детям.

Я далек от мысли призывать всех нас к детской работе ради обновления церковной жизни. Забота о детях — это не то, из чего обновление жизни может произойти, но это то, чем это обновление может быть опосредовано.

Александр СЕДИНКИН

Мы продолжаем тему истории Преображенского содружества, начатую в прошлом номере в связи с пятнадцатилетием первого Преображенского собора - первой встречи всех, кто участвовал в возрождении опыта катехизации взрослых, кто помогал вести оглашительные группы, оглашался или просто знал об этом опыте и рад был тому, что он существует. В этом номере мы публикуем воспоминания о начале возрождения братской и общинной жизни в разных городах России и ближнего зарубежья.

Из воспоминаний участника первого Преображенского собора катехизатора Виктора Котта

Несмотря на то, что мы отсчитываем историю Преображенского содружества или Преображенского движения со времени первых Преображенских соборов 1990-91 годов, осознание того, что мы движение или стремимся стать движением, пришло совсем недавно, в начале 2001 года. Понятно, что в 90-е годы так не думалось.

Однако никогда не было желания обособления, желания какой-то самозамкнутости. Распространение движения шло естественным путем - через оглашение, через стремление людей привести в церковь после серьезной, сознательной подготовки своих личных друзей, в том числе и живущих в других городах. Кроме того, по рукам ходили пленки с записью проповедей и бесед отца Георгия Кочеткова, и часто к нам в храм приезжали те, кто их услышал. Иногда оглашение в других городах начиналось через тех священников, которые принимали наш опыт, или через наших же братьев, рукоположенных в разных епархиях. Среди городов, жители которых так или иначе в разные годы включались в круг братского общения, были Тольятти и Мурманск, Кишинев и Екатеринбург, города Латвии и Воронеж, Вологда и Тула, Минск и Сыктывкар, Кишинев и Архангельск, Камышин и Гомель, Саратов и Алма-Ата... Первыми в это число вошли Ленинград-Петербург и Тверь.

В некоторых из этих городов позже возникли братства, где-то же прекратилось какое бы то ни было движение к общинно-братской жизни.

Первая Преображенская встреча. 1990 г.

НИКОГДА В ЖИЗНИ Я НЕ ВСТРЕЧАЛ ТАКОГО ДУХОВНОГО ПЛОДОНОШЕНИЯ

Из воспоминаний священника Иоанна Привалова

Сентябрь 1992 года

Никогда не думал, что, связав себя окончательно и бесповоротно с Церковью, я обрету не рабство, а свободу, не конфликты с церковным начальством, а мир с Богом и Его людьми, чего я прежде не знал. Раньше я смотрел на жизнь церкви извне, теперь - изнутри. Несколько дней назад перед дьяконской хиротонией я тщательно переписал слова присяги, чтобы выполнять ее "не за страх, а за совесть". Никогда прежде я не испытывал такого мира и внутренней тишины, как сейчас. Я знаю, что в мире нет такой силы, которая могла бы отлучить меня от Бога, потому что только Ему одному я и принадлежу, только одному Ему я хочу служить. Жаль, что мне не с кем посоветоваться о том, как лучше выразить свое служение Богу и Церкви. Был бы жив отец Александр Мень, он бы меня понял. Хорошо еще, что сейчас начинают издавать его книги. Вот и сейчас в Москве вышло три книжки. Кстати, до Архангельска они все равно не дойдут. Что делать? — Ехать за ними в Москву. Но не смешно ли ехать в Москву за тремя книжками? — Не смешно, если это питает саму жизнь, само сердце, а не только душу. Может быть, они нужны не только мне? Хорошо бы выяснить у соборных прихожан: не нужны ли они еще кому?

Удивительно, но оказалось, что в кафедральном соборе человек 70-80 готовы купить эти книги. В таком случае, одному не справиться, нужно пригласить двух старых друзей в попутчики, а самому выпросить три дня отпуска, да еще и крепко молиться, чтобы не было никаких сбоев в пути. Кроме того, необходимо молиться, чтобы эти книги принесли ощутимую пользу всем будущим читателям.

Спустя несколько дней.

Как неожиданно хорошо прошла вся поездка! Не было ни накладок, ни сильных волнений. Все благополучно сошлось, все соединилось, а успех привезенных нами книг (их все-таки 150 экземпляров каждой, т.е. всего 450) замечательный. Книжки расходятся на "ура" среди прихожан и институтских знакомых. Поступают новые заказы. Видимо, стоит собираться в новую поездку. Кроме книг отца Александра, нужно будет привезти книжки издательства "УМСА-Press". Они, говорят, есть в библиотеке Иностранной литературы, правда, невероятно дорого. Но - слава Богу, что есть. Огорчают в нашей деятельности лишь два момента. Во-первых, не удается пока обсуждать с покупателями содержание самих книг. И, во-вторых, нет никакой надежды на то, что наша деятельность получит официальное одобрение.

Ноябрь 1993 года

Истекли первые шесть месяцев моего настоятельства. Много тревожных моментов обнаружилось за это время. Однако, Господь не только не покидает меня, но, наоборот, усиливает Свое присутствие в моей жизни. Например, весной, неожиданно-негаданно, фактически скрываясь от московского дождя в первом попавшемся храме, познакомился с отцом Георгием Кочетковым и его делом. Первоначально я опасался развивать отношения с их приходом и братством. Слишком много спорного в этом

опыте. А может, неожиданного?

31 августа собрал всех приходских людей, а, точнее, тех, кто вселял надежду на то, что будем вместе создавать на нашем приходе общую христианскую жизнь. На этом собрании было человек 40 (кстати, и два моих институтских друга, с которыми несколько раз ездили за книгами в Москву). Но как выяснилось довольно скоро, ни один человек (из сорока упомянутых) так и не захотел превратиться в "живой камень", из которых Господь складывает Свою Церковь. В итоге — ощущение полного одиночества и потребность в действиях наперекор всему.

Интересно, что как только я перекрестил в октябре поток массовых крещений и стал предлагать свой доморощенный вариант подготовки к таинствам, начал качественно и резко (буквально толчками) меняться состав посетителей храма. Так, например, за полтора месяца собралось больше 10 человек, готовых не только участвовать в таинствах и обрядах, но и желающих жить по-христиански. Пришли они самыми разными путями. Конечно, не всё было гладко. Вместе с резким ростом людей ищущих, резко возросло и количество недовольных, которые с напором говорили: "Что это у вас за порядки? Дайте телефон вышестоящей организации!" Но чудо в том, что среди постоянного наплыва людей, стали значительно чаще попадаться те, кто хочет искать Истину и менять свою жизнь. Интересно, что Господь сфокусировал появление таких людей в пределах нескольких недель.

Однако, радоваться рано. Я чувствую, что не могу дать этим людям того, за чем они пришли. Они мне поверили, но, кажется, я их зря обнадежил. Боюсь, что сам я их не воцерковлю. Есть один выход — поехать к отцу Георгию, чтобы поближе познакомиться с их опытом. Это, конечно, небезопасно, придется открываться в полную меру, да к тому же они могут и не помочь: у каждого своё дело, свои заботы. Но если не рисковать, то тогда рассеются те, кого собрал Господь за эти дни.

Июль 1994 года

Прошло 8 месяцев с момента нашего сближения с московским братством. Многого удалось понять и принять в их деятельности. Думаю, что отцу Георгию не доверяют из-за общего маловерия, парализующего современную церковную жизнь. Многие православные христиане не могут поверить в то, что и сегодня можно жить в Русской Православной Церкви церковно и православно. Конечно, эти восемь месяцев сильно обогатили моё восприятие Церкви. Раньше мне казалось, что Церковь с большой буквы — это удалённая мистическая реальность, в которую можно только верить и вынашивать в своём сердце. А оказалось, что эта Церковь уже существует на земле в виде реального христианского общения и служения. Сама реальность жизни во Христе перестала казаться эфемерной, она стала являть себя в виде братской жизни.

Чуть меньше года у нас идёт оглашение. Надо сказать, что никогда в жизни я не встречал такого духовного плодоношения. Все попытки двухгодичной давности обсуждать распространяемые нами в кафедральном соборе книги не дали почти ничего. А

оглашение, в которое я включился, меняет не только жизнь оглашаемых, но и мою собственную...

Декабрь 1995 года

Несколько групп, собравшихся благодаря оглашению, не смогли не повлиять на климат традиционного храма, который пережило советское время. И даже самым ошутимым образом. Удивительно, но храм, который существует уже почти два века, к моменту моего назначения имел почти мёртвую систему отопления. Зимой 1993/94 года мы пережили с температурой +3 градуса. Во время службы нередко приходилось отвлекаться и подходить к постоянно работающей электрической плитке, чтобы отогреть руки, окоченевшие от постоянно-холодного контакта с кадиллом, металлическим окладом евангелия и евхаристическими сосунами. Большие надежды возлагались на народную мудрость: "семь человек — печка". Однако, наш могучий толстокаменный храм не собирал в это время больше 40 пожилых людей и горстки оглашаемых, и поэтому был всегда ледяным. Чтобы мы ни делали с нашим отоплением, ничего не менялось. И стало ясно: пока не разогрется духовная жизнь, не видать нам тепла в храме. Однако, оглашение шло, люди прибывали, удалось что-то подремонтировать, и зиму 1994/95 года мы жили со стабильной температурой +8 градусов. В декабре 1995 года, когда в храме стали собираться 4 оглашительные группы, а отопительная система была дополнительно модернизирована, температура воздуха подпрыгнула аж до 12 градусов тепла. И всё-таки самое важное событие храмовой жизни проявилось неожиданно. Оказалось, что большинство людей, отныне присутствующих на литургиях, — это те, кто приходит, чтобы совместно молиться и слушать Слово Божие. Прежде, конечно, всё было не так. Раньше, когда доводилось выйти на проповедь, было очевидно, что каждый стоящий в храме — стоит сам по себе. Вот несколько человек поставили свечи и, не обращая внимания на тебя, двинулись к другому подсвечнику. Вот кто-то стоит на коленях и плачет. Кто-то самозабвенно молится у иконы. Ещё одна группа посетителей, поняв, что сейчас начнётся проповедь, решает, наконец, покинуть храм. Однако, осенью 1995 года всё стало меняться. И постепенно в нашем храме воцарилось иное отношение к богослужению. Лучше всего его можно передать древними словами: "всегда собранные вместе на одно и то же".

Май 1998 года

Весной 1998 года окончательно разрешился старый конфликт, который возник ещё в мае 1995 года. Тогда кризис взаимоотношений между старыми и новыми прихожанами прошёл через весь приход. Местные старушки, родители которых отстояли храм в лютые годы советских гонений, в мае 1995 года устроили спонтанное приходское собрание, на котором выразили своё недоверие мне и всей так называемой "молодёжи". Их обвинения вызвали во мне лишь волну молчаливого гнева: "Неужели эти ревнивые старухи не могут понять, что, бунтуя против молодёжи, они бунтуют против

самих себя и своего будущего!" После такого собрания пропадает всякое желание общаться со старыми активистами. И лишь дополнительные советы и усилия моих московских друзей позволяют преодолеть личную неприязнь и сделать несколько шагов навстречу местным бабусям.

Спустя полгода после собрания у нас начинаются регулярные встречи с пожилыми прихожанками, на которых мы читаем христианские книжки и пытаемся восстановить жизнь прихода в XX веке. Постепенно наши взаимоотношения улучшаются, проходят ревность и подозрительность. 2 мая 1998 года в притворе храма открывается выставка, построенная на воспоминаниях старожилов о трагическом пути прихода в советское время. С её появлением рассасываются последние рубцы на взаимоотношениях между старыми и новыми прихожанами. Можно сказать, что союз поколений состоялся. Наше движение не поглотило и не вытеснило этих бабушек, а приход не растворил в себе братство.

Апрель 1999 года

Интерес нашего братства к церковной традиции непрерывно растёт. Нам открываются новые, прежде неизвестные имена. Никто не мог подумать, что мы найдём так много проводников в мир настоящей духовности. На этом пути мы встретили целый ряд людей, которые своим примером и опытом подтвердили нашу церковность и направили нас к большей глубине жизни во Христе. Это были отцы Алексей и Сергей Мечёвы, монахиня Мария (Скобцова) и архимандрит Сергей (Савельев). Несмотря на то, что все эти люди закончили свой земной путь задолго до появления нашего братства, они стали нам родными. Опытным путём мы открыли для себя ещё одну тайну Церкви — тайну "общения святых". С общиной архимандрита Сергея у нас установились особенно близкие отношения, и этому было несколько причин. Во-первых, мы подружались с духовными детьми отца Сергея и очень многое смогли узнать самым живым и непосредственным образом. Во-вторых, в наших руках оказалась книга "Далёкий путь", которая сразу же превратилась для большинства из нас в учебник духовной жизни. В-третьих, и это было тоже важно, становление общины отца Сергея происходило в двух основных местах — Москве и Архангельске.

24 апреля 1999 года, в день столетия архимандрита Сергея (Савельева), мы собрались в приходском доме, чтобы подвести итог нашему знакомству с опытом общинной жизни новомучеников и исповедников Российских и поговорить о перспективах своего пути.

*Имеется в виду серьёзное отношение к подготовке взрослых людей к участию в таинствах Церкви, а также созидание общинно-братской жизни.

**О жизни этой общины, о её зарождении в начале двадцатых годов и дальнейшем пятидесятилетнем(!) пути рассказывается в книге архим. Сергея (Савельева) "Далёкий путь" (М., 1998).

ОНИ ВЫХОДИЛИ НА ТРАССУ ТВЕРЬ-МОСКВА И ГОЛОСОВАЛИ...

Из воспоминаний проректора СФИ Маргариты Шилкиной

Все началось в Тверском Государственном университете, тогда, наверное, еще Калининском, сейчас не помню. Была в нем группа методологов, которые очень активно занимались своей работой, были, так сказать, по уши внутри нее. В основном это были преподаватели кафедры педагогики. Как-то (не знаю — официально или неофициально) несколькими из них предложили поехать на курсы, которые вел А. Гармаев. Им сказали, что там предлагаются какие-то новые педагогические методики. А поскольку они были несколько помешаны на методиках, то поехали туда, сидели на семинарах, участвовали, ходили, слушали. Вдруг, совершенно неожиданно (это я рассказываю с их слов) им попалась кассета без всякой подписи. Они ее взяли, вечером прослушали и, как потом рассказывали, — совершенно «обалдели» от того, что услышали: это было что-то такое, что в мир, в котором они жили, совсем не вписывалось. Они пришли к тем, кто им эту кассету дал, и сказали: «Это что-то!» В ответ услышали: «Да, есть один дьякон, который проводит в Москве такие встречи». Это была запись на самодельный магнитофон открытой миссионерской встречи, которую проводил отец Георгий Кочетков.

Все это было незадолго до того, как о. Георгия рукоположили и назначили на приход в г. Электроугли. Наши сестры через тех, кто давал им прослушать запись, нашли о. Георгия и начали ездить на службы. Спустя какое-то время они подошли к нему, сказали, что они из Твери, и говорят: «А мы тоже это хотим». Отец Георгий улыбнулся и говорит: «А что — это?». Они сказали: «Мы не знаем, как сказать. Вот это». Он ответил: «Понимаете, у нас нет возможности в других городах проводить заочное оглашение. Мы можем только как-то помогать». Сестры стали спрашивать, что есть при храме. А тогда во Дворце пионеров отец Георгий проводил беседы по этике, которые чередовались иногда с беседами А.М. Копириковского по эстетике.

Сестры стали ездить на беседы. Как это было? Ольга и Лидия Ганшиной, неся в сумке огромный бобиновый магнитофон и без копейки денег, выходили на трассу Тверь — Москва и голосовали. Обычно останавливался какой-нибудь КамАЗ. Чтобы водителю было все понятно, сразу говорили о том, что денег у них нет, что они едут записывать хорошего священника. Почему-то их всегда довозили бесплатно до Москвы. Во Дворце пионеров они ставили на сцену огромный магнитофон, конечно, без каких бы то ни было направленных микрофонов, и записывали на бобины беседы. Вернувшись в Тверь, собирали свою педагогическую команду и слушали.

Отец Георгий посмотрел на них раз, другой, а на третий все-таки, наверное, заинтересовался — что это за две сестры, которые регулярно появляются с таким огромным магнитофоном. Я не знаю, каким образом развивались события дальше, но кончилось тем, что все-таки им дали катехизатора — Виктора Котта, который стал периодически приезжать в Тверь, правда, сначала очень редко, нерегулярно.

Вторая группа оглашаемых образовалась тоже очень интересно. Когда первая группа еще проходила оглашение, им удалось договориться с руководством Тверского университета о том, что университет пригласит отца Георгия с лекцией.

И вот отец Георгий приехал с лекцией в университет. Чисто по-советски сняли с лекций студентов исторического факультета и факультета романо-германской филологии, собрали их в актовом зале, сказали, что сейчас будет лекция священника (по принципу: «по улицам слона водили...»). В то время, насколько я знаю, это был самый первый визит священника в университет. Когда отец Георгий вошел в аудиторию, он мгновенно, конечно, увидел: кто-то играет в морской бой, кто-то обсуждает моды... Ну, если с лекций сняли, — почему бы и не посидеть, не «побалдеть»? Я это хорошо помню, потому что у меня были свои очень трудные проблемы, я пыталась и по всяким экстрасенсам ходить, и, наоборот, к медиумам, и к кому я только не обращалась, чтобы помогли маме и нашим отношениям с ней. И вдруг Ольга Ганшина мне сказала: «Ты знаешь, приезжает из Москвы один

интересный священник, он очень сильный психолог, поговори с ним...» Поскольку мне было уже все равно, с кем советоваться, я ответила: «Хорошо». И мы проговорили 45 минут.

За все эти 45 минут он ни разу не произнес слово «Бог», слово «Церковь». Он говорил только о том, что интересно мне: о моей политологии, о маме, о моих проблемах. В конце я вдруг ни с того ни с сего сказала: «Вы знаете — я не могу поверить в то, чего я не понимаю». Без всякого перехода от темы о сталинском тоталитаризме. Он этому, конечно, не удивился и сказал: «А не надо». Я сказала: «То есть как «не надо»? А что, это можно понять?» Он сказал: «Можно». И больше ни слова. После этого он встал и пошел на лекцию. Естественно, я пошла за ним, мне было интересно. Поэтому я запомнила вот это ощущение — что всем остальным интересно не было, потому что они его до этого 45 минут не слушали.

Самая первая фраза, которую он сказал, выйдя на сцену актового зала, историкам, читавшим себя в университете элитой, знающей все, и студентам романо-германской филологии (которые были причастны к языкам, а в Советском Союзе это был хоть какой-то шанс быть причастным к западной литературе) — «Я утверждаю, что вы ничего не знаете о христианстве». В зале сначала разразилась просто буря — эмоциональная, которая каким-то образом озву-

Литургия у разрушенного храма в г. Электроугли. 1990 г.

чивается, непонятно каким. Потом головы поднялись от «морского боя», и народ начал смотреть, сначала очень снисходительно. Через несколько минут в зале стояла тишина, такая, как если бы муха пролетела — было бы слышно. Началась нормальная открытая встреча, просто чуть-чуть на языке науки, чтобы это было похоже на лекцию для университета. Встреча продолжалась три часа и кончилась она только потому, что нужно было идти на настоящую открытую встречу, на которую уже наши братья и сестры, входившие в первую группу, пригласили каждый своих друзей.

Так возникла вторая группа. Мы очень часто сами собирались и приезжали в Москву — тогда во Владимирский собор, причем приезжали совершенно стихийно, спонтанно. Больше всего меня поразили первые две мои службы. Это было начало 90-х, когда было ощущение, что все всем враги, когда все на всех, все против всех, все уже со всеми переругались, передрались, и когда в Твери можно было спокойно услышать: «Почему ты со своим талоном пришел в мою булочную? Сейчас мне не хватит хлеба, иди в свою», и уже были голодные обмороки в школах, и уже было много чего... Я приехала — и увидела храм, полный молодежи с нормальными лицами. Я еще ничего не понимала в службе, я ее просто не видела, но меня поразили дети и отношения к ним. На них никто не «шикал», их не «строил», никто не говорил «Тише! Ходи сюда, туда не ходи». После пяти лет комсомольской работы я смотрела на это совершенно потрясенная, потому что ничего подобного никогда не видела в отношении между людьми. Я могла стоять с

Ольгой Ганшиной после службы и тихонько ей сказать: «Ты знаешь, я хочу есть, дай что-нибудь придумаем, сообразим» — купить было особо нечего и не на что, и вдруг ко мне мог повернуться и протянуть хлеб человек, которого я впервые в жизни видела. Понятно, что на следующее воскресенье надо было думать, искать и выбирать что это было что-то другое. Не лучше, а вот другое — перпендикуляр тому, чем я жила до сих пор.

Мы воцерковлялись во Владимирском соборе на Рождество 1994 года. А на Сретенье, по приглашению иг. Тихона (Шевкунова), наше братство пришли выгонять из нашего храма казаки. Это была наша пустыня. И до сих пор я без всякой иронии благодарна иг. Тихону потому, что он помог нам сделать выбор мгновенно. Нам не надо было больше думать, искать и выбирать. Было понятно, что в твоём доме враг и дом надо защищать, и единственный способ защищать — это просто здесь быть. Мы ездили все это время в храм, были на каждой литургии, были на той литургии, на которую он привел казаков.

Когда наша вторая группа воцерковилась, мы сразу стали думать, что оглашение в Твери должно быть и дальше. Собственно, тверское братство собиралось вокруг оглашения, потому что мы не представляли себе, что этим можно не заниматься. Этим горели практически все. Все хотели

представление о том, что такое программа, было). Программу отец Георгий сильно поправил, но все-таки сказал: «Давайте, все делайте». Так что в основе первых лет тверского братства — катехизация и братские курсы, т.е. образование и совет катехизаторов.

Когда стало, может быть, три группы, может быть, четыре, впервые появилась мысль, что старостам надо собираться и что-то решать вместе, потому что надо было просто договариваться о каких-то совместных делах. Параллельно в это время буквально с лавинообразной скоростью ухудшалось отношение к нам в епархиальном управлении. И очень быстро оно дошло до крайней точки — в храмах Твери не только не причащали тех, кто проходил оглашение у отца Георгия, а даже отказывали в елеопомазании их маленьким детям, младенцам. На утрене можно было подойти к елеопомазанию, и тебе говорили: «Пошел вон, или тут же, стоя здесь, отрекайся от Кочеткова». Могли перед причащением, когда человек подошел и стоит перед Чашей со сложенными руками, громко, на весь храм, сказать: «Отрекайся от Кочеткова или проходи». Когда это впервые случилось, первым из нас перед Чашей стоял Игорь Корпусов. Он просто молча прошел дальше. И мы все так прошли — не развернулись, не ушли из храма, а молча прошли мимо Чаши...

Потом появился новый настоятель собора, архимандрит Адриан. Он стал эпицентром гонений. Сначала нам предъявили самые разные требования: вот вы не ходите на утреню, вот вы не так исповедуетесь, я уж и не помню почему — то ли надо было вечером, а не утром, то ли наоборот... Мы собрались, долго спорили друг с другом, потом решили: давайте выполним все, что от нас требуют. Мы два или три раза так и сделали. В конце концов, когда он это понял, он пригласил несколько человек из наших остаться после службы на разговор и сказал: «Если вы будете подчиняться мне, я вас буду причащать, и даже с заднего хода, если вообще не будете приходите на литургию. Если вы не будете мне подчиняться, ничего не получится никогда». И вот эти слова — «если вы будете подчиняться мне...» — не только для меня, но и для многих оказались решающими. Было понятно, что то, что он делает, не имеет отношения к Церкви, это было насилие и надругательство над Церковью, там погроны под подражником просто за версту были видны. Не очень он это и скрывал, на самом деле. Он открыто говорил, что делает карьеру...

Поэтому открытые встречи стали проводить более внимательно, более осторожно. И это, может быть, больше помогало братству становиться братством. И еще для нас было очень важно, что есть братство в Москве. Я хорошо помню, что когда мы приезжали, а мы ездили туда практически на все службы, мы как-то стояли вместе с группой москвичей и был у них между собой такой разговор: вот мы то не умеем, мы се не умеем, у нас не хватает любви. Мы потрясенно на них посмотрели и сказали: «Вы совершенно ничего не понимаете, от вас уже достаточно того, что вы есть». Было важно, что есть вот этот храм, есть эта литургия, есть эти люди, есть это братство. И это помогало нам как-то собираться, мы понимали, что надо быть вместе. И в то же время это помогало нам более открыто говорить оглашаемому о ситуации, ведь нельзя было привести человека в братство, не сказав, как к нам относится епархия — а потом он бы столкнулся с тем, что ему перед Чашей скажут: «Отрекайся от Кочеткова». Поэтому людям (конечно, на понятном для них языке) это было сказано еще до открытых встреч, они знали, куда шли. Они понимали, что церковь формальная и церковь реальная не одно и то же, что эти границы связаны друг с другом, но не совпадают. Поэтому они понимали, что они идут не к нам, а в церковь, но, с другой стороны, они понимали, что в церкви много проблем и эти проблемы нам надо решать. А покуда это было начало 90-х, то было понятно, что и в стране надо много чего решать. Это было как-то в одной волне. Было такое вдохновение, было такое желание изменить что-либо в этой жизни, куда-то прорваться. И этим очень во многом соединялась наша жизнь — жизнь нашего братства.

“ТРЕЗВЕНИЕ”: СВИДЕТЕЛЬСТВА БРАТЧИКОВ

Думаю, что выведению моей жизненной ситуации на «чистую воду» способствовала жизнь в группе БТр. Потому что трезвение не может быть теоретическим. Если мы об этом думаем и молимся, значит, оно в жизнь входит и обнажает все иллюзии, страхи, все то, что закрывает от Господа и от слышания Его воли. А жить не по воле Бога очень «неуютно», сразу одолевает уныние, отчаяние, обесмысливается и опустошается жизнь. Сердце перестает любить, лишь только мечется между помыслами и обидами.

Свою жизнь в группе БТр я воспринимаю как Божий дар. Я до сих пор не могу понять, почему так дороги и близки стали те, с кем еще полгода назад не было никаких отношений, кроме приятельски-братских. А сейчас я реально чувствую за них ответственность. Люди раскрылись, я увидела по-настоящему красивых, и не только немощных, но с огромным духовным потенциалом людей, чего не обнаруживалось раньше. Собрались не самые храбрые братчики, но они со всей серьезностью решили расстаться со своими страстями и жить в свободе слышания и исполнения воли Божией.

Предпоследняя встреча группы до поездки сестер в Москву на очередную встречу братства «Трезвение» была очень трудная. Такое впечатление было, что количество нетрезвости на душу БТр-овского населения превысило все мыслимые и немыслимые нормы. Мы не могли уложиться по времени, мы не понимали что делали, мы не слышали друг друга, потеряли цели и смыслы. Стало как-то не по себе. Но решили выправить ситуацию, поговорить, как нам строить встречи и о чем на них говорить. Поговорили о дисциплине и решили следить за временем, чтобы не пытаться за одну встречу решить все проблемы. В общем, в очередной раз решили трезвиться. Помогла и поездка в Москву. Сестры вернулись очень вдохновленные. Сумели вдохновить и остальных. Встреча прошла собранно, по делу. В Петровский пост мы начали учить анафору, читаем послания апостола Павла и делаем по утрам поклоны: за церковь, Содружество братств, братство, свои группы и БТр. Многие приступили к «сотнице» Иисусовых молитв.

Я, конечно, понимаю, что все испытания и искушения еще впереди. Но сейчас чувствуется, как заботлив и милостив к нам Господь.

Для каждого из нас братство «Трезвение» - настоящий смысл сегодняшней жизни. Без жизни в БТр у каждого из нас плохо получается полноценно жить в Церкви. Как ни странно, за такой короткий срок видно, как меняются люди. Как они «разворачиваются» в сторону Содружества и братства. Кто-то по-настоящему пробудился от духовного сна, не переставая удивлять всех нас. А ведь кто-то из приглашенных на первую встречу про трезвение даже ни разу не слышал и не был на тех встречах Содружества, где про это говорили. Я думаю, что это - Божий промысел, как и в случае с каждым из нас. За что от всего сердца благодарю Господа.

На последней встрече мы со старостой Гулей попросили молитв братьев и сестер о том, чтобы готовиться к принятию обетов на соборе.

... Не первый раз о. А. со мной говорит о терпении. Чтобы проходить стойко и мужественно, без экзальтации через сложные ситуации, чтобы я училась слушать Бога в тишине сердца и искала такой тишины. Я с ним полностью согласна. Об этом же говорит и небольшой опыт молитвы «сотницей», и, как я понимаю, сама жизнь в БТр. Она все-таки понемногу начинает меня приучать к такой тишине. Таков и дух наших встреч - мирный, созидательный, без «военных действий».

Евгения ГУСЕВА,
Екатеринбург

***

Для меня братство «Трезвение» - это радость идти вместе в направлении трезвения, трезвенного сознания, чтобы научиться различать реальности: за что отвечаю, а за что - нет, что мне делать сейчас, а что - в перспективе, за что брать ответственность, а за что - нет. Это необходимо мне в личной духовной жизни, в общинно-братской жизни и в работе с детьми. Наша цель, как говорит отец Георгий, - достичь того трезвения, той реальности внутреннего устройства, которую вложил в нас Господь Бог.

Марина МАХНЁВА

ЧТО ТАКОЕ “БТр”

Из истории братства “Трезвение”

Как начиналось братство «Трезвение» или, сокращенно, - «БТр»? (Кстати, эта аббревиатура, предложенная в свое время вдохновителем создания братства, о. Георгием Кочетковым, со всеми связанными с ней ассоциациями, уже прочно прижилась внутри братства).

Сейчас нелегко вспоминать трудности и сомнения, которые предшествовали его созданию. На первую встречу, состоявшуюся полтора года назад, пришло больше 300 самых разных людей. Тогда мы и решили, что в БТр будут входить: во-первых, люди, которым не удалось до воцерковления решить свои проблемы с той или иной зависимостью. Во-вторых, - те, у кого в ближайшем окружении есть люди с зависимостью. И, в-третьих, - желающие помогать первым и вторым. Самое главное ощущение после начальных встреч - не было испуга, боязни, что тебя будут «строить», заставлять, постоянно обличать, - вешей, от которых многие из нас уже успели устать, приобрести много комплексов, просто закрыться и т.д. Ничего этого не было. Нашлись и форма, и слова и, главное, - дух, который вдохновлял, а не унижал. Нельзя ведь пользоваться аскетикой как дубиной, ты не имеешь права «впихивать» ее другим. Евангелие говорит нам об «узком пути» как условии спасения, но «сужать» путь можно лишь для самого себя. Я стараюсь этого принципа придерживаться и по отношению к себе, и внутри БТр.

Потом было принятие обетов. Те, кто принимал их, особенно первые 26 человек, сделавшие это на Преображение 2004 года, прыгали как в омут. Обетов было четыре: сухой закон (абсолютный!), двухразовое питание, знание анафоры наизусть и ежедневное правило с чтением Иисусовой молитвы. Было страшновато: а вдруг не выдержим? А если не выдержим, что с нами будет? Что делать с утренним кофе, к которому многие привыкли? А бокал шампанского в Новый год? И т.д. На Сретение 2005 года обеты принимали 27 человек, - не испугались, были уже подготовлены первой группой. Пока мы не знаем, сколько членов БТр будут брать обеты на Преображение в этом году, но есть все основания полагать, что число обетников умножится.

Братство ежемесячно собирается на общие собрания. Они начинаются с утрени, в которую мы встав-

ляем ектению о своих членах и о наших близких, особенно нуждающихся в молитвенной помощи в данный момент. Каждый раз кто-то из братьев или сестер делает сообщение о трезвении по писаниям отцов церкви, - с последующим его обсуждением. Обсуждаются и наши общие дела и проблемы.

Теперь о создании групп. Это тоже веши, имеющие для нас принципиальное значение. На первых встречах о. Георгий говорил, что основная жизнь братства может протекать именно в группах. В более близком общении людям легче раскрыться, легче выполнять обеты, можно говорить о реальности не индивидуальной, а личностной аскетике. Первая группа образовалась в середине сентября прошлого года, после поездки к беседникам. Нас было 14 человек, и мы назвали себя «1-м БТром». Сразу после нас к беседникам съездила группа в 19 человек, теперь она носит название «2-го БТра». 3-го августа этого года выезжает группа в 22 человека, и мы очень надеемся на рождение «3-го БТра». В конце сентября предполагается выезд в Архангельск тех членов нашего братства, которые пока не входят в группы. Это важно и нужно, мы внутри братства остро ощущаем расщепление, которое вызвано тем, что не все объединились в малые группы.

За полтора года у братства стала появляться своя «география». Помимо братьев и сестер из Архангельска, Тулы, Воронежа, к нам присоединились и екатеринбургцы (которым и будут посвящены основные материалы этого разворота).

Мы только в начале пути. Конечно, темпы, которыми мы развиваемся, могли бы быть другими, не такими замедленными. Но слишком еще сильны в нас старые привычки, с которыми мы срослись и от которых, как оказалось, совсем нелегко избавиться. Многие братья и сестры за это время бросили и пить, и курить, и это безусловное свидетельство не только для других, - для нас самих, в первую очередь. Но нам крайне важно понимать, что трезвение - это гораздо больше чем трезвость. Потому что, только если будет первое, обязательно будет и второе.

Андрей ОШАРИН,
сопредседатель БТр

Принятие обетов членами братства “Трезвение”

фото Анатолия Мозгова

***

Я долго просил Господа избавить меня от пристрастия к алкоголю, и вот, я получил такой дар. Когда у нас в Екатеринбурге была создана группа братства «Трезвение», я не мог причислить себя ни к одной из категорий тех, кто входит в это братство (зависимых, созависимых и помощников). Но спустя какое-то время я понял, что дар, который я получил от Господа, мне самому не сохранить. Ведь любая зависимость имеет под собой духовную основу. И я понял, что братство «Трезвение» - это гораздо шире, чем все три категории лиц. Братство

призвано помочь человеку преодолеть духовную слабость, духовную несостоятельность, ответить на призыв Божий, а не бороться до бесконечности со своей духовной немощью.

Но это не значит, что, вступив в братство «Трезвение», ты уже «выздоровел» с третьей встречи, нет, - это тоже путь. Мне кажется, что Господь, видя наши трудности в группах (общинах), пытается помочь нам с другой стороны, через братство «Трезвение».

Слава Богу за все!

Сергей БОЧЕГОВ

“...В ЭТУ СРЕДУ СОБЕРЕМСЯ, ДА И НАЧНЕМ НОВУЮ ЖИЗНЬ”

Из истории братства “Трезвение” в Екатеринбурге

Удивительно, что у нашей группы “Трезвение” уже есть пусть небольшая, но своя история. Итак, как все начиналось?

Москва, Сретенская встреча Содружества малых братств 2005 г. В один из дней на сцене члены БТр принимают обеты. Не очень понимаем зачем, но чувствуется, что за этим есть сила и новая серьезная реальность жизни Содружества. Что для нас это новое братство, зачем люди в него вступают? Решили разобраться и пригласили А. М. Копировского - сопредседателя братства “Трезвение”. Он сразу согласился, и вот, встреча в нашей комнате состоялась. Чего я от нее ждала? Честно сказать, ничего. Но произошло чудо - то, что я услышала, поразило меня в самое сердце. Я приехала на собор с пониманием того, что в своей духовной жизни перестала слышать волю Божию и следовать ей. Страсти и немощи опутывают и вводят в состояние уныния, уходит радость и вдохновение жить, служить и учиться. И вот, я слышу, что есть люди, которые собрались, чтобы учиться христианской добродетели - трезвению - и возрастать в ней.

Трезвость, трезвение... Казалось, это не про меня. Единственное, что связывало с этими словами, это родственники и друзья, зависимые от алкоголя. Одно время я даже думала, чем им помочь. А тут и братство “Трезвение” подоспело. Но личных смыслов серьезно разделить жизнь в БТр не было. И вдруг стало ясно - откладывать больше нельзя, без трезвения дальнейшей христианской жизни может просто не получиться.

Вернулись домой и через пару недель - к беседникам. А там снова отец Павел наставляет, что рассуждать нужно о своей жизни и бодрствовать в молитве и труде. И опять про трезвость. Да и по людям видно, что трезвость физическая дает возможность и молитвы собранной, и внимательного взглядывания в себя. А заглянешь в себя - страшно становится, не знаешь, с какого сорняка на своей полоске начать. В общем, пришло время, увидев все свои немощи, просить у Господа сил на трезвую жизнь. А тут Олег Глаголев все про серьезность намерений московских БТРовцев рассказывает, да нас вдохновляет - не очень трезвых в своих поступках сестер. Зачем, говорит, откладывать, вернемся домой, да собирайте всех готовых трезвиться братчиков.

И вот этот счастливый момент - выходим из машин на очередной АЗС (возвращаемся от беседников), размяться после дальней дороги. И кто-то робко: братья и сестры, а давайте в эту среду соберемся да и начнем новую жизнь. Встреча состоялась. Удивительно, что на нее Господь привел людей, которые и не слышали об этом братстве, но сразу откликнулись сердцем и остались в группе. Так буквально со второй встречи нас стало одиннадцать человек, которые встречаются до сих пор.

За 5 месяцев прошло десять встреч. Были и тематические встречи о трезвении, и просто разговор о том, почему мы пришли в эту группу и в БТр, и чего ждем от нашей общей жизни. Пока это маленький срок, чтобы говорить о каких-либо плодах, но очевидно одно: жизнь в группе - то, без чего каждый не сможет полноценно жить и служить в своих группах и братстве. Конечно, каждая встреча обнажает огромное количество нетрезвости наших слов и поступков. Но, с другой стороны, какая благодарность Богу, что он дает это увидеть! И силы дает совместно нести немощи друг друга и обрести силу жизни в трезвости плоти и духа, о чем все время молимся. За это время Господь нам дал возможность вместе потрудиться (мыли окна в подъезде, где находится наша братская квартира), и вместе быть на Вознесение на евхаристии, и просто быть рядом друг с другом и молиться.

Очень важно для нас и общение с другими членами БТр в Москве, на встречах братства. Это по-настоящему вдохновляет и заставляет все время пребывать в памяти, что трезвость мы обретаем не для себя, а для того, чтобы служить Господу, чтобы укреплялась наша братская жизнь. Важно, чтобы мы научились хоть немного слышать Господа и, отказавшись от своих обид и претензий друг к другу, взяли бы ответственность за жизнь в Церкви.

В общем, пришло время трезвиться, чтобы искать тишины сердца и полноты жизни со Христом в служении.

С любовью во Христе,
Евгения ГУСЕВА

“ТРЕЗВЕНИЕ”: СВИДЕТЕЛЬСТВА БРАТЧИКОВ

Пьянство и зависимость моих родных - это боль моей души, боль с детства. Мама всю жизнь ждала возвращения домой пьющего отца, переживала, а потом ругала его. Я вышла замуж за пьющего человека, а ещё у меня и свекровь-алкоголик. Не знала, что делать, поэтому решила, - если откажусь от спиртного, это будет свидетельством, что без спиртного в принципе можно жить.

Сейчас понимаю, что это глубже, чем мне казалось раньше. Если принимать обет, то необходимо разобраться серьёзно, - для чего я это делаю, для чего мне нужно это духовное делание - трезвение. В своих отношениях с близкими часто испытываю к ним жалость, но она какая-то убогая, потому что впадаю в крайности: хочется или посадить человека на шею и тащить, или всё бросить. У святых отцов жалость воплощается через смирение. Как смиряться, как не осуждать, как поднимать этих людей? У меня больше вопросов... Если мы собрались группой, чтобы вместе решать эти вопросы, служить Богу и друг другу, то как это делать, как молиться, как друг другу помогать?

Знаю что пьянство - страшный грех, это смерть уже при жизни. Знать это и видеть каждый день, как родной человек калечит себя, - тяжело и больно.

Понимаю, что заражена духом нетрезвости, но вижу выход. В молитве о даровании трезвости плоти и духа, в Иисусовой молитве Господь покажет, как помогать близким. А то, что мы можем это делать вместе - дар от Бога. В одиночку такое делание для меня невозможно, буду, как слепая, стоять рядом долго-долго.

Братство и группа «Трезвение» поможет не заикаться на себе и на своих проблемах, более того: будут силы и на служение, и на решение семейных проблем.

Татьяна

То, что я вступила в братство «Трезвение», можно объяснить желанием наполнить оставшуюся часть своей жизни смыслом и научиться это осуществлять; трезво оценивать свои возможности и способности и служить ими; научиться ценить время и посвящать его должному, а не тратить его на пустое.

Мне всегда не хватало трезвости. Как ни странно, очевиднее всего мне это было в детстве. Я никак не могла понять, - почему, когда я делаю уроки, мне лезут в голову всякие фантазии. Поэтому за уроками приходилось просиживать часами. Я тогда знала, что это плохо, что это мне мешает, что с этим нужно что-то делать и как-то этому противостоять. Но кому об этом скажешь, и кто мне в этом может помочь? И в то же время мне совсем не хотелось от этого отказываться, ведь так приятно мечтать, фантазировать и воображать.

И брань духовную я помню, я ее знала, только не понимала, что это такое возникает и поднимается во мне, и действует так мощно, и заставляет меня говорить и поступать совсем не так, как бы мне хотелось. Это проявлялось в основном в общении с людьми. Ощущение, что нужно противостоять этому раздвоению, работало безотказно и хранило меня от внешних искушений, пока я не стала ослаблять его действенность своими сомнениями в необходимости бороться. В конце концов, с этим было покончено как с постыдным атавизмом. Ну, скажите, пожалуйста, зачем и для кого нужно себя хранить? Кто это оценит? И потом, бесстрастность - разве это достоинство? Это же серость, пресность и убожество. Поэтому - да здравствуют страсти, да здравствуют чувства!

«Трезвение» - это для меня возможность обрести утраченную цельность, прийти в себя и полнее возвратиться к Богу. Возможность научиться принимать и исполнять должное и нужное. Научиться жертвовать своим, как бы дорого это ни было. Если трезвение достигается молитвой и пребыванием в Боге и если пребывание в Боге - это трезвение, то тогда что может быть желаннее и важнее этого?

Т.М.

***

Что такое братство «Трезвение», и почему я в нём? Всё началось на Сретение 2004 года, когда я приехала в Москву со своими братьями и сёстрами. Сначала я решила, что меня это вообще не интересует, так как у меня лично нет зависимости от алкоголя, а помогать другим у меня просто не было сил. Но, когда я вернулась домой, встретила со своим родным братом, то поняла, кому я должна помочь... Зависимость от алкоголя у него передалась по наследству от отца, с которым мама развелась по этой же причине. Тяжело смотреть, когда у тебя на глазах погибает умный, добрый и щедрый человек, как он просто падает в пропасть, а ты не знаешь, чем ему помочь.

В Рождественский пост 2005 года я решила попробовать с благословения священника читать акафист «Неупиваемая чаша» каждый вечер перед иконой, упоминая имена двоих родственников (брата и племянницы, которая живет в другом городе).

Я должна признать, что мне было очень тяжело в течение всего поста, - это была борьба со злым духом. Но меня утешало, что брат каждый день приходил к нам в гости с гостинцами для старой мамы, которая живет со мной. Раньше это случалось крайне редко и с большой неохотой с его стороны.

Меня ожидал ещё один сюрприз, когда летом я приехала в тот город, где живёт моя племянница. Она заинтересовалась христианством, даже пыталась писать иконы, так как по образованию она художник. Она согласилась пойти на оглашение, которое проводит наше братство.

Значит, мои усилия были не напрасны, и это радовало. Но одной было очень тяжело преодолевать действие злой силы. Я поняла - чтобы добиться чего-то большего, нужно действовать не одному. Это стало для меня основной причиной вступления в братство «Трезвение».

Б.Т.

***

О том, что, несмотря на отсутствие личной зависимости от алкоголя, нетрезвость влияет на мою жизнь, мне пришлось задуматься давно, - когда стала доступна литература о программе «12-ти шагов» по проблемам зависимых и созависимых членов семей. Видела, как пристрастие к алкоголю разрушает людей и тех, кто их окружает, особенно в маленьких промышленных городах, в одном из которых я выросла. Видела это и в своей семье, и среди родственников. Но сейчас я понимаю, что просто знание о проблеме ничего не решало, т.к. никогда не было сил что-либо делать с этим в одиночку.

Рождение группы братства «Трезвение» было ответом на прежнее бессилие. Жизнь в группе принесла много открытий. Открытием стало то, что ты можешь напрямую не быть зависимым от алкоголя, но его дух действует в тебе, и нетрезвость пропитывает все сферы твоей жизни. Из-за этого в жизни нет собранности, чёткости, направленности, всё делается приблизительно и в «принципе».

Самым большим открытием стало то, что разрешенные проблемы лежат гораздо глубже, чем трезвость достигается через трезвение, - внутреннее собрание, приобретение целостности, хранение жизни. И то, что в БТр для этого предлагаются конкретные шаги: исполнение правил, принятие обетов. Эти рамки помогают в приобретении внутренней стабильности, что, в свою очередь, делает возможным изменение качества твоей жизни. В ней появляются ответственность, открытость, верность.

Ещё одним открытием стали люди. Дело в том, что в группу пришли люди духовно одарённые, отзывчивые, способные серьёзно углублять свою жизнь, готовые служить. И теперь мы знаем, чему нам нужно научиться, чтобы это реализовать. Трудным открытием стал факт того, что иногда во время встреч мы «резонируем», и нетрезвость одного может моментально распространяться на всех. Пока мы можем только констатировать, что в таких ситуациях очень сложно сохранять стабильность. Нам следует приобретать мужество, простоту и мирность духа, и тогда «бури» мы преодолеем.

Время пусть и трудное, т.к. это время становления, но и благодатное. Господь даёт много сил, откровений, любви. Отношения очень быстро стали не только близкими, но и какими-то трепетными и, хотелось бы надеяться, целомудренными. Понимание ценности каждого человека очень острое.

Иулия-Гульнара ХАЛИТОВА,
староста группы БТр

СТОЛЕТИЕ УПУЩЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

В этом году исполняется 100 лет изданию указа "Об укреплении веротерпимости".

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Антоний (Вадковский)

17 апреля, в день Светлого Христова Воскресения, государь подписал указ, положивший начало изменению отношения государства к неправославным конфессиям империи. Наиболее важным был первый пункт, гласивший, что отпадение из православия в какое-либо иное христианское исповедание или вероучение не должно преследоваться и влечь за собой невыгодных последствий, причём отпавший от православия по достижении совершеннолетия признавался принадлежащим к тому вероисповеданию, которое он для себя избрал. До принятия этого указа подобные действия квалифицировались законами Российской империи как уголовно наказуемые деяния.

Второй пункт был посвящен "семейному вопросу": в нем признавалось, что несовершеннолетние дети, в случае перехода одного из "исповедающих ту же самую христианскую веру супругов в другое вероисповедание", должны

оставаться в прежней вере, "исповедуемой другим супругом". Если же оба супруга меняли вероисповедание, то дети до 14 лет следовали вере родителей, после 14 лет - оставались в прежней религии. Третий пункт касался крещенных инородцев, в большинстве своем сравнительно недавно обращенных из язычества. Государство теперь не мешало им в случае желания возвращаться к религии предков. Указ разрешал также христианам всех исповеданий крестить принимаемых на воспитание подкидышей по обрядам своей веры, а не только православной, как было ранее.

Остальные пункты касались правового положения старообрядцев. Оговаривалась и необходимость пересмотра "важнейших сторон религиозного быта лиц магометанского исповедания", а также узаконений о ламаистах, которые с той поры в официальных актах перестали именоваться идолопоклонниками и язычниками.

Указ имел не только правовое значение. Менялось сложившееся отношение к главной конфессии империи. Произошла отмена государственной поддержки (в том числе и полицейской), которой в течение многих десятилетий пользовалась православная церковь.

Указ был встречен неоднозначно. По мнению критиков "справа", закон не только усложнял православным пастьям решение религиозных задач, заставляя бороться с католической пропагандой, но и негативно сказался на крепости политических позиций имперской власти на окраинах. Крепко связанная с государством, православная церковь вынуждена была отвечать не только за решения первой из указанных задач, но также содействовать светским властям в их стремлении разрешить вторую.

В то же время слышны были голоса о том, что у церкви не может быть иного, кроме положительного, отношения к свободе, ибо, как писал один из авторов журнала столичной Духовной ака-

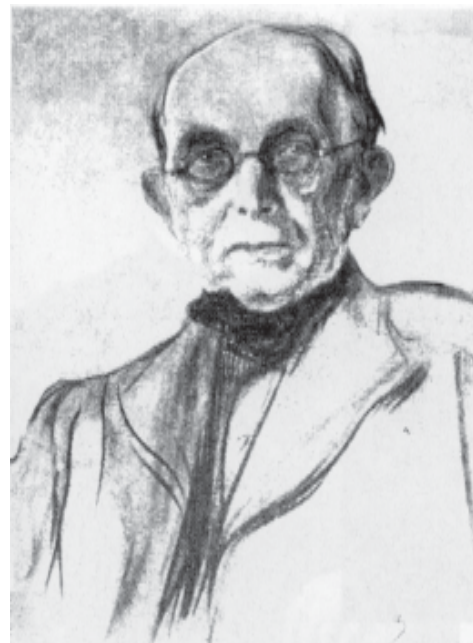
демии, "старание укрепить внешние стены Церкви ведет лишь к ее внутреннему разложению".

Святейший Синод, руководимый митрополитом Санкт-Петербургским и Ладужским Антонием (Вадковским), прекрасно понимал, что отказ от укрепления "внешних стен" мог проходить только одновременно с внутренним изменением строя церковной жизни в соответствии с канонами. Это понимали и все, кто всерьез думал о будущем православия в России. Однако в условиях революционного лихолетья на грядущую церковную реформу смотрели через призму бурных политических событий 1905 г. В такой ситуации указ о веротерпимости иногда воспринимался как акт революционный.

Митрополит Антоний спокойно и честно отвечал на все предъявлявшиеся ему обвинения и старался не подменять политическими лозунгами прошення о восстановлении канонического строя церковного управления, не прерывая максимально корректных отношений с обер-прокурором.

Это было тем более необходимо, что 24 апреля 1905 г. исполнялось двадцать пять лет пребывания К.П. Победоносцева на посту главы ведомства православного вероисповедания. Летом 1905 года обер-прокурор вновь напомнил о себе, продолжив борьбу с ненавистными ему идеями церковных реформ. Разочаровавшись в Святейшем Синоде, Победоносцев решил сделать ставку уже на весь епископат русской Церкви. 28 июня Святейший Синод рассмотрел предложение обер-прокурора "о необходимости подготовительных работ по вопросам, предложенным к рассмотрению на Поместном Соборе Всероссийской Церкви". Епископы обязывались предоставить Синоду свои соображения.

Результаты опроса привели к отставке всеильного обер-прокурора и стали полным поражением Победоносцева и всей его "идеологии". 17 декабря 1905 г. государь принял трех митрополитов - Антония, Владимира и Флавиана - "для

К.П. Победоносцев, обер-прокурор Св.Синода (апрель 1880 - октябрь 1905)

непосредственного преподавания царственных указаний к предстоящему созванию Поместного Собора Всероссийской Церкви". Тогда же Николай II заявил, что в условиях "расшатанности в области религиозных верований и нравственных начал" устройство православной церкви - дело неотложной необходимости.

В истории нет сослагательного наклонения. Все размышления на тему о том, как разворачивалась бы история России и Русской церкви, если бы за 1905 не последовал 1917 год, если бы собор собрался хоть немного раньше, останутся лишь более или менее убедительными схемами. Но вспоминая это время, невозможно не жалеть о навсегда упущенных возможностях, о том, что могло случиться, но так и не случилось в России и в Русской православной церкви в начале XX века.

Александр БУРОВ

В апреле 1905 года император Николай II подписал указ "Об укреплении начал веротерпимости": "Даровать населению незабываемые основы гражданской свободы, на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний, союзов". Началась короткая эпоха религиозной свободы в России.

Этот манифест предоставил всем конфессиям право юридического лица, благодаря чему религиозное поле резко увеличилось. С этого момента государство отказалось юридически преследовать своих граждан за переход из православия в другую конфессию или религию, и империя семимильными шагами двинулась в сторону демократии (1).

Может показаться, что Указ больно ударил по "господствующему вероисповеданию", оказавшемуся не готовым к такому повороту событий, не способным в условиях свободы успешно заниматься миссией. И итоги Миссионерского съезда в Киеве, на котором обсуждались меры по борьбе со староверами и инославными, вроде бы корреспондируют с таким мнением. Но, по сути, это не верно. "Удар" (нанесенный, напомним, святым императором Николаем II) пошел во благо самой Церкви, и в ней пробудились здоровые силы, которые начали искать церковные ответы на вызов времени.

Именно с Указа Российская Православная Церковь начинает путь к освобождению от железных объятий государства, к Поместному собору, к патриаршеству. И вскоре появляются зна-

ДЕНЬ СВОБОДЫ СОВЕСТИ

Ограничится ли он конфессиональным празднованием распечатания алтарей храмов Рогожского кладбища?

менитая записка 32-х столичных священников о необходимости внутрицерковных реформ.

12 лет свободы - с 1905-го по 1917-й - называют "золотым веком" старообрядчества. Для него это был короткий, но очень плодотворный период, когда староверы смогли активно включиться в социальную, политическую и экономическую жизнь. До сих пор слагаются легенды об огромном влиянии и благотворительной деятельности Рябушинских, Морозовых, Гучковых, Шибяевых и многих других.

Русская православная старообрядческая церковь ежегодно празднует дарование свободы вероисповедания. Это происходит через две недели после Пасхи в Рогожской слободе. Сюда, в Москву, съезжаются гости из ближнего и дальнего зарубежья.

Хочется подчеркнуть, что торжество распечатания алтарей приходится у староверов на Неделю жен-мироносиц. Ангел, отваливший камень от двери Гроба святым женщинам, литургически рифмуется с государем, снявшего печати с алтарей. И крестный ход в этот день - продолжение этой рифмовки. Можно сказать, что гораздо раньше

православных верующих старообрядцы стали чтить святость императора, хотя, понятно, формально и не могли внести "никонианина" в святцы.

В постсоветской России власть особой любовью к последователям протопопа Аввакума не пылала. Скорее, неизменно демонстрировала равнодушие (хотя Русская Православная Старообрядческая Церковь - это около 300 приходов, около миллиона прихожан, то есть конфессия не маленькая и в плане социальной работы - перспективная). При этом власть не стеснялась приватизировать старообрядческие храмы. Например, в Москве приватизировали две старообрядческие церкви, в одной из которых - Тихвинской - сейчас находится ресторан.

Сегодня, похоже, отношения между властями и старообрядцами потеплели. О чем свидетельствует и визит весной 2005 года (первый за всю историю) столичного градоначальника в Рогожскую слободу. Планы у мэра, что говорить, громадные. Правда, некоторые верующие высказывают опасения, что после реставрации "Рогожка" превратится в новодел. Но другого пути возрождения исторического центра сто-

ронников старой веры просто нет.

О плюсах этого реставрационного проекта и для Москвы написано немало. Думается, к этим плюсам можно было бы добавить возможность (пока чисто гипотетическую) перевести юбилей в формат ежегодных торжеств с участием властей и представителей всех конфессий. Старообрядческий митрополит вполне мог бы организовать в слободе своеобразный ежегодный праздник "свободы совести". Он же - День религиозного примирения и согласия.

(1). Хотелось бы в этой связи привести высказывание нашего знаменитого соотечественника Петра Столыпина. В одной из своих речей на заседании Государственного совета 6 марта 1907 г. он, в частности, сказал: "Православная Церковь, как господствующая, пользуется данью особого уважения и особою со стороны государства охраною... Вместе с тем права и преимуществ Православной Церкви не могут и не должны нарушать прав других исповеданий и вероучений. Поэтому с целью проведения в жизнь Высочайше дарованных узаконений об укреплении начал веротерпимости и свободы совести, Министерство вносит в Государственную думу и Государственный совет ряд законопроектов, определяющих переход из одного вероисповедания в другое, беспрепятственное богомоление, сооружение молитвенных зданий, образование религиозных общин, отмену связанных исключительно с исповеданием ограничений и т.п."

Борис КОЛЫМАГИН

Наша группа встречалась с молодыми художниками, скульпторами, дизайнерами — передвижниками. Это «золотая творческая» молодежь, которая ездит по всему свету в поисках общения, вдохновения и с целью, я бы сказала, культурной миссии. Ездят благотворительно, т.е. практически за свой счет, живут, где примут, едят, что предложат. Были в Финляндии, в Санкт-Петербурге, собираются в Чехию. Заехали и к нам, на Седой Урал. Компания такая: один китаец — дизайнер, два финна-художника, девушка-бурятка (специалист по текстилю), художница и керамистка из СПб, два скульптора-монументалиста из «Мухи». Чан, Алекс, Тукка, Дарисо, Наталья, Лариса, Семен и Татьяна. Они приехали, взяли в оборот обычный наркоманский дворик в центре и попробовали преобразить его своим творческим вдохновением. Получилось. Это важно для общества. Как пример.

А что интересно нам, христианам, ну мне в частности, т.к. они у меня жили? Интересна их открытость миру. Для них важны все встречи, общение с каждым. Впитывают, как губка, чем же живет город, страна. Каждая встреча — возможность увидеть. Каждый разговор — шанс услышать. Очень сильное стремление культурно обогатиться, по возможности впитать все, что смогут для вдохновения и творческой переработки. Долго обсуждали спор с местной жительницей. «Не хочу вашу культуру, пусть будет как есть». «Да ведь грязно же, наркоманы ходят». «Ну и что. Это наши наркоманы. А не скульптуры всякие». «Неужели люди так панически боятся любых перемен, так, что скульптура во дворе — угроза привычному существованию?» Легко и с удовольствием общаются с детьми. Все два дня работы мой девятилетний Василий не отходил от них, зачарованный творческой атмосферой общения, и с удовольствием выполнял мелкие поручения типа вынести мусор и проч. Всякий, кто близко знает Василия, сможет по этому факту оценить вдохновляющую силу искусства. Почему-то он облюбовал китаец, с Чаном их теперь связывает дружба. Понятие дружбы у них интересное. Каждый, кто понимает важность творчества и ценность творческого общения, — уже друг. Возраст, национальность, религиозные взгляды или их отсутствие не имеют совершенно никакого значения. Их бог — творчество. Признаюсь, бог сильный, если не сказать — могучий. Все время боролась с силой его обаяния. Думаю, победила. Все-таки христианский Бог сильнее всех. И наиболее творческий, к тому же Человек. Впервые подумала о Христе как о творческом человеке. Раньше Он у меня все больше понимался как носитель новой доктрины, идеи. Надо же. А ведь Он творчески решал задачи, поставленные Отцом.

На торжественном открытии перед лицом прессы все участники сказали, что у них есть член команды и от Екатеринбурга — наш Василий, который был торжественно призван и представлен телекамерам. Василий сразу стал серьезным. Член международной команды — это уже ответственность.

Наблюдаю за ними дальше. Как флюгер, реагируют на состояние каждого, кто рядом, постоянно следят за этим. А я-то была уверена, что творческие люди замкнуты в себе, общаются со своим внутренним Я, переживают внутреннее вдохновение. Ничего подобного. Все наоборот. Почти все проявляется вовне и тут же становится всеобщим достоянием. Это у них от понимания творчества. Ценно то, что сейчас. Например, небо над головой вот в эту минуту. Все дела бросили и ввосемьмером смотрят на небо. А там двойная дуга. Это красиво, зачаровывает. Каждый на своем языке лопочет: «Красиво». Десять-пятнадцать минут восторга. Я тоже смотрела, и впервые увидела, что это не только символ Завета, а ведь и вправду красиво. Очень красиво. Все-таки я слишком схематично воспринимаю мир, просто сухарь какой-то — прожить 33 года на белом свете и впервые ощутить радость как красоту, а не просто природное явление. Это я им-то собиралась говорить, что Бог — это красота! Хорошо, что еще не сказала. Неавторитетное заявление будет. Думаю, они уже поняли, что у меня орган, который красоту в мире улавливает, в лучшем случае слаборазвит.

Постоянно фотографируют, пытаются остановить время, запомнить все ощущения, уловить малейшие оттенки собственных и чужих чувств. Ну, такие вот ребята. Мы пригласили их на ужин в нашу братскую квартиру-часовню. Они предупреждены, что их будут принимать православные братья-сестры-христиане.

Советуемся, как вести с ними диалог и миссию. Дима: «Спросим, зачем приехали, что хотят нам сказать. Интересно, что же им на месте не сидится, какая сила их по миру влечет». И лирически задумался. Он у нас архитектор. «А может быть, и мне какую-нибудь работу сделать, я ведь тоже художник, (с удивлением в голосе) творческий человек». Обсуждаем дальше. Олег: «Принцип такой. На глубину говорить. Сколько сможем. Надо живое в них найти и зацепить за это. Тары-бары-растбары разводите не будем.» Олег катехизатор, это входит в кровь и плоть, знает, что работает в духовном общении, что эффективно с точки зрения науки. Сработают ли эти приемы в миссии? Думаем дальше. Надя: «А что думать. О Христе говорить надо. Что мы еще можем им сказать?» А действительно, что мы — Настя, Таня, Оксана — еще можем сказать миру, кроме произнесения великого Имени? Большой вопрос, часто безответный. Выручила Тамара: «А мне просто инте-

ИСКУССТВО МИССИИ ИЛИ МИССИЯ ИСКУССТВА

Сотворение мира. М. Шагал

ресно на них посмотреть. Я таких людей в жизни не встречала. Мы их принимаем, ужином кормим, они же знают, кто мы. Это уже разговор». Да, мы все таких людей в жизни не встречали. Финны-китайцы, да еще скульпторы-дизайнеры, тусовщики-общальщики. А мы? Почтенные отцы и матери семейств, с университетом за спиной и соответственно приложением к диплому в виде снобистского отношения ко всякой разной богеме. Внутренне вздохнула: может быть, их лучше поймет наша братская молодежь. Ба! Да ведь им всем уже под и за тридцать. Впервые подумала, что не такая уж у нас в братстве и молодежь. Большие уже, по крайней мере, биологически. Ладно. Какие уж мы есть, такие есть. Все-таки все мы люди англо-русско-говорящие. С гордостью смотрим на Таню. Она учитель английского, уж тут мы не ударим в грязь лицом. Насчет языка культуры не уверена, а по-английски волокно. Вывод себе в первую очередь и совет всем миссионерам во-вторую: поверьте требованиям института и учите английский. Из глубины уральских гор вижу, что это необходимость, а уж в Москве тем более.

Приходят. Знакомимся, представляемся. Приглашаем к столу. Пауза. Они смотрят на нас, мы смотрим на них. Кто начнет? Олег. Все-таки катехизатор кое-что понимают и в миссии. Молодец. Беседа нелегкая. С чем приехали? Что ждут от встречи с городом? Несколько натянута. Они, т.е. художники, себе этот вопрос не очень задавали, приехали, поддавшись порыву, который кто-то как-то организовал и в сторону Урала направил. Хотя это для них и неважно. Сторона света значения не имеет. Реализуют то, что имеют в себе «на всяком месте владычества Твоего». Бытие Бога признают. Для многих из них понятно, что источник творчества не в них, есть другой Источник. На этом все, баста. Остановились, как вкопанные. Есть и есть, никаких отношений с Ним строить не предполагается. Тут мы и завяли. Эту высоту мы — начинающие миссионеры — взять уже не смогли. Поговорили об андеграунде, официальной и свободной культуре, блокаде информационного пространства, тоталитарных тенденциях. Это на одном языке. Видят так же, как и мы. Вплоть до одинаково построенных фраз. Да, страна спит. Беспробудным сном. Добавляют с широты своего опыта: «И не только наша». Искоса смотря на финнов, поняли,

что это про них или нет. Отношение к ним в этом творческом новом ковчеге как к большим европейским детям. Милые, безобидные, но серьезной ответственности не потянут. Не натренированы. Самый приятный в общении из всей компании — китаец Чан. Признаюсь, сначала отнеслась к нему несколько пренебрежительно. Из Китая может ли быть что доброе? Больше интересовали европейцы. Неплохой русский язык Чана удивил, а когда узнала, что китайский дедушка Чана знает пять языков, кроме китайского: английский, немецкий, французский, русский и японский, то признала свой банальный внутренний советский национализм. На вопрос, зачем приехал, отвечает: у вас великая самобытная культура, хочу приобщиться и отвезти это на Родину, т.е. в Китай. Вижу, что у нас с Олегом одинаково запульсировало в головах. Люди из Пекина ездят нашей культуре приобщаться. На нас с большим уважением смотрят как на ее носителей. А мы, мы? Все, решено. Следующая миссионерская акция — встреча братства с университетским пушкинистом. Начнем с Пушкина, краеугольного камня русской культуры.

Прощаясь с компанией, вынуждена была признаться себе и в своей бытовой религиозной зашоренности. Чан и этническая буддистка Дарисо оказались самыми внимательными к внутренней логике общения. Провожая, всем желала всего доброго, питерским девушкам-художницам подарила иконки, на которые они отреагировали так: «Спасибо. (С благодарностью в голосе) Встреча с вашей семьей напомнила нам встречу с многолетней семьей подвалаамского священника, у которого мы жили, когда реставрировали иконостас». Эх, слышали бы это наши епархиальные оппоненты, которые все обвиняют нас в том, что мы не такие-де, как все. Приходите в гости. Все будет, как обычно в многолетней российской православной семье. Большого питерские живописицы не увидели. Но и за это спасибо.

Дарисо уезжала не так. Все кружила и кружила по квартире, пока наконец не решилась спросить: «А что это за хлеб такой?» Батюшки святые! Просфора на микроволновке лежит. К такому развороту я оказалась не готова. Мы еще с ней бытие Бога не обсудили, а ей уже рассказы о богослужении подавай. Первое, что пришло на ум, обычный ответ катехизатора: «Об этом мы поговорим позже, на следующем этапе». Господи, помоги, какое позже, она же через полчаса в свое Улан-Уде или куда там еще, куда от Урала 3 суток на поезде, уедет. Молчать нельзя. Я ведь этих вопросов все дни ждала, когда же они про Бога-то спросят. Это, говорю, хлеб (как она в нем хлеб-то опознала, я вот с рождения знаю, что это просфора), с помощью которого христианское богослужение совершается (язык еле ворочается, одна мысль на другую набегают: то ли богослужение происходит, то ли оно совершается, то ли его совершают. Господи, смыслов-то как много. Ей нечетко скажешь, она нечетко поймет, вот и получится неверное представление о христианстве, или вообще языческие параллели какие-нибудь уловит, тогда я не миссионер никакой получусь, а форменный идолослужитель). Это, объясняю, для нас важно иметь как символ приобщенности к христианской жизни и христианскому богослужению. Для этого много символов есть. Мучительно подбираю слова. Например, вода святая есть. О ужас, зачем же я ей про воду. Я же про Христа хотела говорить. В общем, прости, Дарисо. Я не смогла тебе с такой свободой ответить, с какой ты спросила. А ведь я еще хотела рассказать им, что Бог — это свобода. Хорошо, что не успела. Неавторитетно получилось бы.

Теперь о Чане. Главным миссионером в этой истории оказался его друг, а наш сын Вася. Когда Чан на квартиру нашу братскую пришел, иконы увидел, он Васе стал какую-то веревочку многократно вокруг запястья обернутую показывать и говорить, что это от какого-то китайского бога. Что, мол, Чан тоже не лишен религиозности. На что Вася с большим достоинством и детской простотой ответил: «А у нас один Бог, Иисус Христос», обвил Чана за шею рукой и к его щеке прижался. В смысле, брось друг Чан всякой ерундой заниматься, веревками всякими, един Бог, един Господь Иисус Христос. И все это Вася ему без слов сказал. Позже я узнала, что Чан крестик носит. Т.к. ему какой-то миссионер до нас сумел объяснить, что все хорошие люди в России крестики носят. Чан как понял, так и сделал. С тех пор носит. А когда я ему открыточку с выставки подарила с иконой богородичной, он ее хотел вниз лицом убрать. Я говорю, Чан, не так, и обратно переворачиваю. Он с большим уважением говорит: «Я понял, это святое». Да, святое. Это икона. Дальше в моем понимании должна бы быть небольшая лекция про отличие образа от Первообраза, но Чан торопился на поезд в Пекин. И я опять слезы обиды на свою слоновью миссионерскую грацию глотаю. Снова миссионерская неудача. Утешает, что Чан так Васей проникся, что все свои телефоны оставил, и пекинский, и российский. Воистину, будьте как дети. А может, нам в братстве миссионерскую и детскую работу объединить? Пока у детей лучше получается.

Вот и все. Конец истории про начало наших миссионерских дел.

С уважением, Оксана ИВАНОВА,

Екатеринбург

ПИСЬМО ДУХОВНОМУ ОТЦУ

К нам в редакцию попало письмо, написанное свящ. Георгию Кочеткову одной из его духовных дочерей. Нам кажется, что оно может быть интересно многим нашим читателям, поэтому с разрешения автора мы публикуем его.

Батюшка!

Со мной в палате лежали две женщины: одна без двух ног, а другая — без одной ноги и парализованная. До болезни они ходили в церковь и причащались. Все дни я им читала утреню и вечерню по Вашему сборнику с чтением Писания. Они внимательно слушали и говорили, что впервые понимают все слова псалмов и молитв. Просили меня читать и проповедовать еще и еще. «Как в церкви побывали», — говорили они. Я видела, как менялись их лица, отходила боль и появлялась надежда, что они смогут нормально жить с помощью коляски.

Сиделка — буддистка, т.к. калмычка, ничего не знала о своей вере. Три вечера я рассказывала ей о нашей христианской вере, о Едином Боге. В результате она спросила, сможет ли пойти у себя в православный храм и помолиться. Оставила свои координаты и сказала, что ей со мной понравилось общаться. Около моей иконы Казанской Божьей Матери расцвели совсем увядшие розы и стояли всю неделю. Для них это было чудом.

Сначала медперсонал плохо относился к этим бедным тяжелым больным. Но узнав, что мы молимся, они изменили свое отношение и стали выполнять с улыбкой и шутками свои обязанности и просили молиться за них. Установился мир. А одна медсестра вечером позвала меня к себе и стала просить совета в своей семейной жизни. Я сказала, как надо делать по Библии, и успокоила ее, как могла. Через два дня она пришла на дежурство радостная и сказала, что страхи у нее и ее родителей снялись и получился хороший разговор с 18-летней дочерью, которая согласилась походить в церковь.

Спасибо от всего сердца Вам, батюшка, что Вы ведете меня по христианскому пути.

Ваша духовная дочь Елена.

СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКИЙ ИНСТИТУТ ОТКРЫВАЕТ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Свято-Филаретовский институт в 2005/06 учебном году открывает факультет дополнительного профессионального образования по религиоведению, который ставит своей целью распространение религиоведческого знания, а также содействие межрелигиозному диалогу через подготовку квалифицированных экспертов по религиозным вопросам для светских и религиозных организаций. Институт приглашает на учебу не только членов Русской православной церкви и других христианских церквей, но и верующих иных религий, а также тех, кто заявляет себя неверующими людьми, но кто заинтересован в диалоге с людьми других убеждений. Основной методологической стратегией религиоведческого факультета является различие живого духовного опыта человека и феномена массовой бытовой религиозности, а также внимание ко всякой вере по ее существу, наряду с научно-объективным подходом к изучению каждой религии.

Учебная программа строится по четырем направлениям: феномен веры и религиозности в человеке; история и феноменология религии; религия в обществе; диалог и свидетельство в процессе личного и совместного поиска истины. К чтению лекций привлекаются профессора и специалисты ведущих университетов и академических институтов г. Москвы. Обучение вечернее, рассчитано на два года четырехчасовых аудиторных занятий 4 раза в неделю.

Дополнительное высшее религиоведческое образование приглашаются получить преподаватели вузов, средних школ и средних специальных учебных заведений; журналисты; выпускники и студенты 4-5 курсов гуманитарных факультетов

светских и духовных вузов; государственные служащие, сотрудники некоммерческих и общественных организаций, взаимодействующих с религиозными объединениями; представители различных религиозных организаций.

Зачисление происходит на конкурсной основе по итогам тестирования и собеседования. К вступительным испытаниям допускаются лица мужского и женского пола не моложе 20 лет, имеющие высшее или неполное высшее образование. Вступительное собеседование 17 сентября (суббота) в 15.00. Начало занятий 19 сентября.

Для поступления на факультет необходимо представить в приемную комиссию следующие документы: заявление-анкету на имя ректора, паспорт (предъявляется лично) и копию паспорта, документ о высшем образовании (предъявляется лично) и копию документа, две фотографии 3x4 см. Прием документов производится в канцелярии Свято-Филаретовского института с 1 августа по 15 сентября в рабочие дни с 10.00 до 20.00 по адресу ул. Покровка, д. 29, оф. 38.

Обучение платное - 18000 руб. в год. Предусмотрены скидки.

Дополнительную информацию о факультете можно получить по тел. 923-03-80, 925-77-86. Обращаться к Шилкиной Маргарите Васильевне.

Свято-Филаретовский православно-христианский институт (Москва)
Журнал «Вестник Русского Христианского движения» (Париж–Москва–Нью-Йорк)
Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
проводят

Международную научно-богословскую конференцию

О МИРНОМ И НЕПРИМИРИМОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ ЗЛУ В ЦЕРКВИ И ОБЩЕСТВЕ

Москва, 28–30 сентября 2005 г.

Было бы <...> до крайности жаль, если бы этика сопротивления одновременно мирного и непримиримого, выработанная противостоянием тоталитарным режимам, оказалась утраченной христианством завтрашнего дня.

С.Аверинцев

В вынесенных в эпиграф словах Сергея Аверинцева заключены тревога и надежда.

Еще совсем недавно мы радовались практически бескровному падению коммунистических режимов в Восточной Европе и окончанию «холодной войны», а еще раньше — снятию взаимных анафем Константинопольским патриархом Афинагором и папой Римским Павлом VI; еще свежо наше благодарное восхищение теми, чье мирное и непримиримое противостояние злу сделало возможным это и многое другое подобное, — и вот опять зло явственно наносит свой удар. Трагедии, подобные взрывам 11 сентября, или Беслану, или другие, не столь известные, но не менее значимые события — новое наступление, новая агрессия зла очевидны. При этом кто-то пытается забыть о неизбежном, живя радостями и проблемами сегодняшнего дня, кто-то — победить зло силой, а кто-то старается взглянуть как в мир и человека, так и в подступившую к ним тьму, чтобы достойно встретить противника.

Для христианина поражение в войне со злом начинается с потери одного из двух принципов — мира или непримиримости. Зло захватывает нас, заражая либо своей немирностью, польхающей «праведным» гневом священной войны, либо, наоборот, духом неразличения добра и зла, выдающим себя за дух мира и согласия. И то, и другое мы видим сегодня в церкви и в обществе, в политике и в культуре, в семье и в профессиональной сфере.

Мир и непримиримость по-настоящему совместимы лишь в контексте Евангелия. Но и перед обществом встает вопрос их соотношения, хотя здесь он, естественно, формулируется по-другому и на несколько иных основаниях.

Оргкомитет конференции предлагает для разработки следующие тематические направления:

- Традиция противостояния злу в обществе: исторический, этический и др. аспекты
- Традиция противостояния злу в церкви (от Священного писания)
- Толерантность и ее границы
- Подмены христианства национальными, культурными ценностями и др.
- Фундаментализм и секуляризм в современной церкви

- Культура как противостояние злу. Проблема примитивизации жизни
- XX век: опыт сопротивления злу на Востоке и на Западе
- Дискуссия о зле в русской эмиграции в преддверии Второй мировой войны
- Диссидентское движение и причины его прекращения

Мы надеемся, что наша конференция поможет по-настоящему поставить вопрос о мирном и непримиримом противостоянии злу и рассчитываем на Ваше заинтересованное участие.

Предполагается издание сборника трудов конференции. Оргкомитет оставляет за собой право отбора докладов для публикации.

Председатель оргкомитета - ученый секретарь Свято-Филаретовского института Лариса Юрьевна Мусина

Контактный адрес: Россия, Москва, 105062, ул. Покровка, д. 29, оф. 38
Тел./fax 923-03-80, 925-77-86
e-mail: info@sfi.ru

Нашу газету можно приобрести:
В Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д.29, оф.38); в центре религиозной литературы ВГБИЛ им. Рудомино (ул.

Николаямская, д.6); в книжном киоске первого гупфа МГУ; в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, 9); в Париже: в магазине «YMCA-Press».

Телефоны распространителей:
Москва: (095) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769 (Ольга Филиппова), 210-7006 (Ольга Орлова), 158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова).

Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная); Тверь: 8-082-250-2308 (Олег Ермолаев); Архангельск: 8-921-299-4978 (Андрей Подоров); Северодвинск: 8-921-299-7687 (Нина Портнова).

Редакторы:
Александр Буров (СПб)
Александра Колымагина (Москва)

Над номером работали:
Владимир Лидский
Дмитрий Матвеев
Анастасия Наконечная
Елена Шевелева
Александра Ошарина

Иллюстратор: Татьяна Аразян
Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Анна Лепехина

Тел./факс: (095) 923-03-80
e-mail: kifa@list.ru
Тираж 1000 экз.

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-14924 от 26 марта 2003 г.